

СПЕЦВЫПУСК

СЕНТЯБРЬ/2020
УКРАИНА

Международ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

№09 (174)

СЕКРЕТЫ КИНО

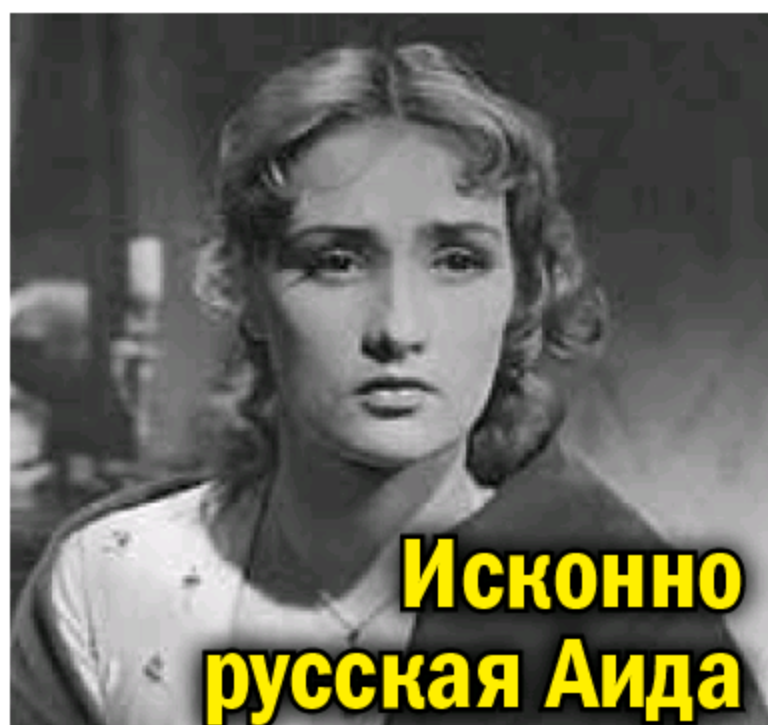

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

В НОМЕРЕ:

СЕКРЕТЫ КИНО

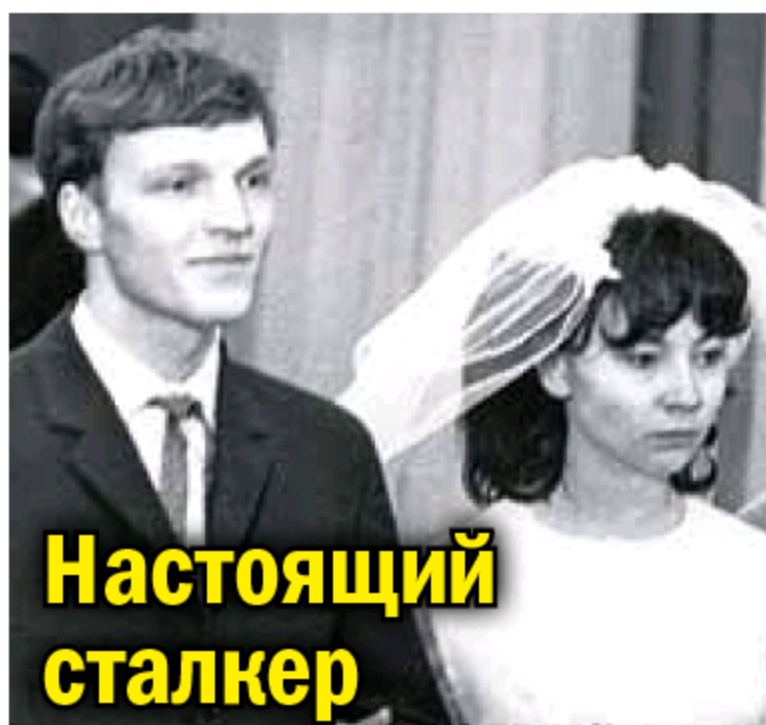
5

Исконно
русская Аида

СУДЬБА АКТЕРА

8

Настоящий
сталкер

ИСТОРИЯ УСПЕХА

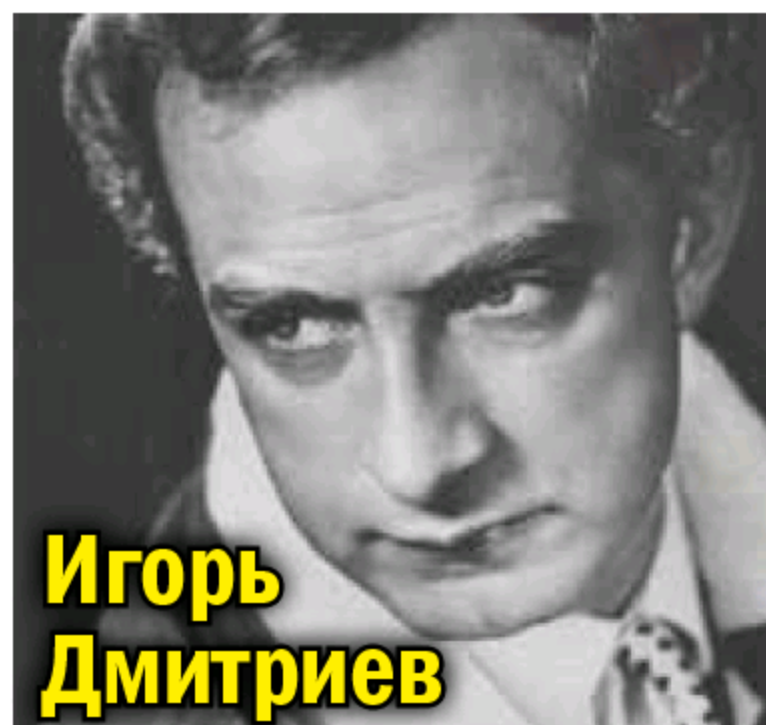
19

Дочь
отвечает за отца

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

16

Игорь
Дмитриев

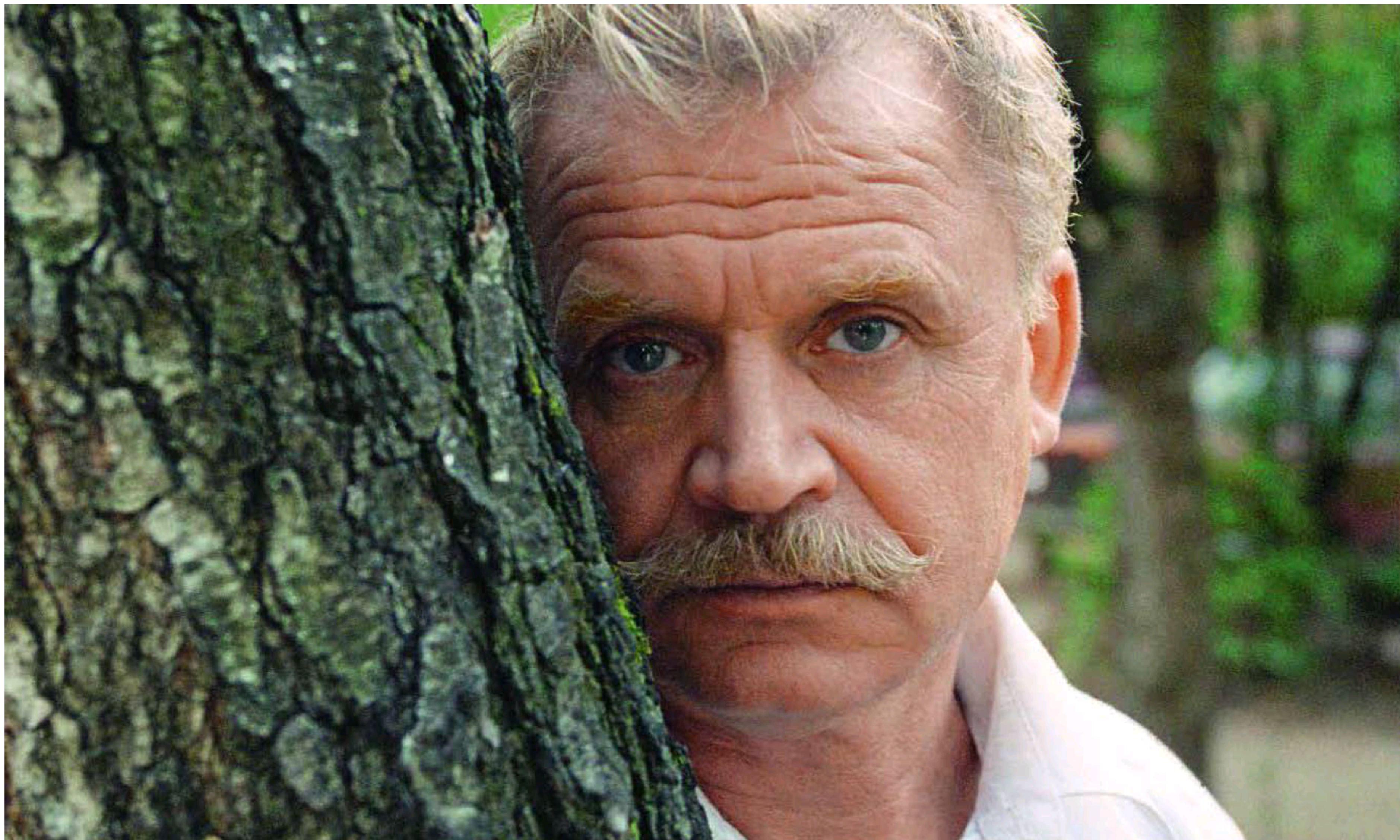

ISSN 2070-884X

20009

9 772070 884002

ГРАНДИОЗНЫЕ ЛЮДИ

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Сергей Никоненко: «Мы с Люсей Гурченко уже сидели в кабине. Но нам сказали: сперва полетит Говорухин с оператором. В результате вертолёт разбился – отлетели хвост, лопасти... Как он не взорвался – это чудо!»

Коллеги называют Сергея Никоненко любимчиком фортуны. О нём даже документальный фильм снят под названием «О, счастливец!» И действительно – поводов считать его облаканным судьбой множество: один из любимых учеников великого Сергея Герасимова, знаковый актёр нескольких поколений зрителей, как режиссёр снял фильмы, давно ставшие классикой. Причём в отличие от многих он востребован был (и есть!) всегда – при Хрущёве, Брежнев, Ельцине, Путине. В застойные для кино ельцинские времена на «Мосфильме» даже ходила шутка: если за год снята всего одна картина, можно не сомневаться, что в титрах есть Сергей Никоненко. Как и положено баловню судьбы, он счастлив и в личной жизни: более 40 лет назад влюбился и женился на первой красавице ВГИКа.

Но была ли на самом деле жизнь «счастливого» так безоблачна и всегда ли удача благоволила? В интервью обозревателю «Совершенно секретно» Андрею Колобаеву режиссёр откровенно рассказал о том, как не раз бывал (в прямом и переносном смысле!) на волосок от гибели, какой ценой ему далась популярность и почему с 1973 года не играет в карты на деньги.

Интервью 2016 года.

День рождения Говорухина

– Сергей Петрович, раньше советское кино критиковали за идеологизированность,

политизированность. Сейчас все на чём свет стоит ругают нынешнее российское кино, сериалы...

– Потому что есть за что ругать: драматургии нет, халтурят – вот отсюда и слабое кино. Все гонятся за количеством серий, и – побыстрее, побыстрее. Так не бывает! В советские времена, помню, мы жаловались: как много у нас инстанций (редактура имеется в виду) проходит сначала сценарий, потом сама картина. А ведь халтуру-то не пропускали! Только очень выверенные вещи проходили. Тогда все «правила игры» были понятны. Приносишь сценарий или заявку на студию, её читают, обсуждают, и, если тема нравится, говорят: «Давайте заключать договор». Потом начинают вносить поправки. И дальше идёт определённая борьба, так сказать, – хочется, чтобы утвердили твой вариант, а тебе встречные мнения высказывают. Нешуточная борьба! Но повторяю: халтуру не пропускали.

– А вам как режиссёру комфортнее в каком кино – том или нынешнем?

– А сегодня я не знаю, куда и к кому идти. Я сейчас предложил сценарий на студию, теперь жду решения. Скорее всего, скажут, что время нынче трудное, с деньгами напряжённо. Это я понимаю. Но у меня же нет тысячных массовок, военной техники. Хотя я снимал и такие картины, как «Корабль пришельцев», где в съёмках была задействована серьёзная военная техника – самолёты, вертолёты. Правда, там военная техника была бесплатная. Чтобы найти подходящую натуру (а нужна была самая суровая тайга!), мы летали на вертолётах аж в Саянские отроги. Надо? Пожалуйста! Я уж не говорю о том, как бы Бондарчук снял без армии «Войну и мир!» Тогда все были ошарашены: как это может быть столько массовки, декораций, всадников? Специально для таких съёмок в Балабино был создан кавалерийский полк на тысячу с лишним лошадей, куда регулярно призывали новобранцев. На петличках – подкова с саблями

перекрещена. А сейчас, по-моему, этот полк вообще прекратил своё существование.

– Вы ведь и сами, несмотря на то, что весной отметили 75-летие, до сих пор прекрасно владеете верховой ездой, верно?

– Да, неплохо, любым аллюром проскачу! Правда, падать с лошади я доверю, пожалуй, каскадёру. Потому что могу сломать руку, шею, ногу, и съёмки могут остановиться. Экстрима и так в моей жизни и карьере хватало.

– Это вы о том, как в 2008 году на своей даче на Валдае заживо могли сгореть, когда её подожгли бутылками с зажигательной смесью?

– Не только! И на съёмках эпопеи «Освобождение» мог погибнуть! Во время второго дубля, когда я пробегал под артиллерийской пушкой, произошёл самострел. Если бы дуло было хоть на метр ближе, я бы сейчас с вами не разговаривал. Я упал без памяти, потерял сознание. Повезли в больницу. Потом я на одно ухо частично оглох – оказалось, разбило барабанную перепонку... И 26 июля 1969 года на съёмках фильма Говорухина «Белый взрыв» – о солдатах-альпинистах (он снимался в Приэльбрусье) – мы с Люсей Гурченко уже сидели в вертолёте, нас первыми отправляли на одну из горных вершин (как сейчас помню, гора называлась Накра). Но пришёл второй режиссёр: «Люся, Серёжа, выходите! Сначала Говорухин с оператором Васей Кирбижековым, инструктором и двумя ассистентами полетят». Люся ещё с ним поругалась: мол, подняли ни свет ни заря и всё зря. Они полетели, и из-за ошибки первого пилота попали в серьёзную аварию. Вертолёт задел хвостом каменную морену – отлетели хвост, лопасти... Как он не взорвался и как они все остались живы – это чудо! Конечно, у левевших переломы были, сильно побились. Мы побежали их спасать, а я забыл, что бегать в горах нельзя. Разряженный воздух! Дыхалку так перехва-

тило – не мог ни дышать, ни даже шага ступить... С тех пор ежегодно 26 июля Говорухин справляет свой новый день рождения. Так что мы с Люсей запросто могли оказаться на их месте

Когда в наш двор вернулись фронтовики

– Ещё в вашей жизни были такие острые критические ситуации?

– Если я вам скажу, что меня фашисты на руках нянчили, – это критическая ситуация? Правда, я в бессознательном состоянии был – мне было два месяца от роду.

– Расскажите.

– Папа посадил нас с мамой в поезд 21 июня 1941 года и отправил к себе на родину, в деревню под Вязьму, – свежим воздухом дышать, молоко парное пить. И тут – война. Маме бы сразу – в поезд и назад. Но через неделю уже поезда на Вязьму не ходили, а в нашу деревню пришли немцы. По рассказам мамы, в наш дом зашли четверо технарей-ремонтников, уже в возрасте за сорок, дом им понравился. Завоеватели пришли! Сначала всех гусей порезали, а кур не трогали – куры яйца несли. Не били – и на этом спасибо! Сами заняли дом, а всех нас выгнали в сарайку жить. Баба Таня с мамой сделала из бочки маленькую буржуйку, и мы в сарайке жили втроём. Я этого не помню, естественно, но мне рассказывали, что меня они брали на руки и нянчили.

Мама моя – женщина отчаянная: весной 1942-го решила пробираться в Москву. С оккупированной-то территории, с младенцем... Шла через партизанские отряды, через линию фронта. Только в 1943 году мы добрались до Дубны, где жили наши родственники. Потом оказались в Рязаново – это рядом с Щербинкой, под Подольском. Но в Москву её не пускали, несмотря на то, что у неё была справка от командира партизанского отряда. Там было написано, что

Вверху: Сергей Никоненко в роли Сергея Есенина в кинофильме «Пой песню, поэт...» (режиссёр Сергей Урусевский), 1971

Внизу: Сергей Никоненко и Елена Проклова в фильме «Звонят, откройте дверь». Киностудия «Мосфильм», 1965

она в такой-то срок находилась в партизанском отряде. «А до этого где вы были? Будем проверять». Пока шли запросы, мама в ясли устроилась кладовщицей.

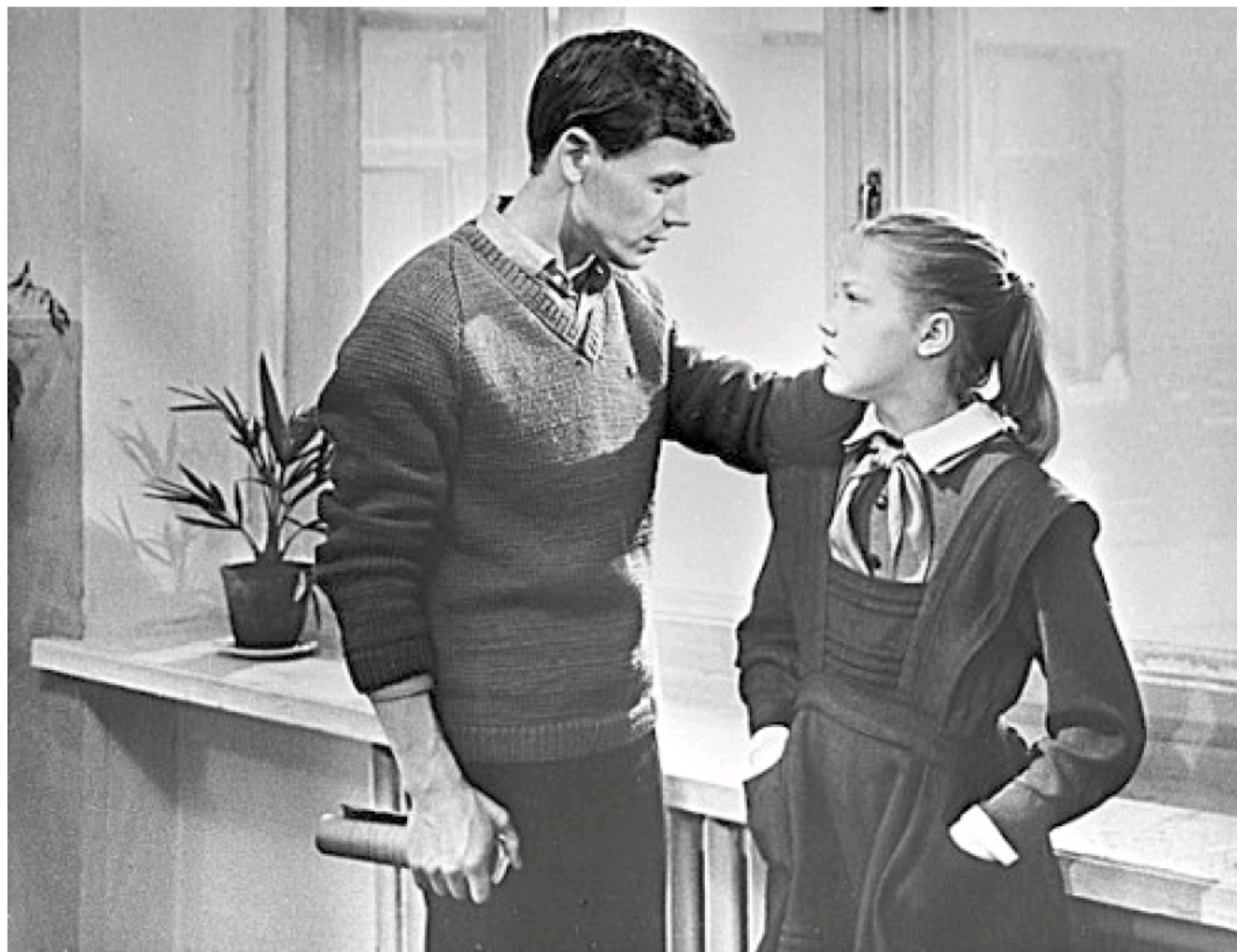
– Сурово как было, оказывается!

– Очень строго было! Москва наглухо закрыта была. А ещё году, наверное, в сорок третьем я чуть было не умер. Пожалуй, это моё первое ясное воспоминание – мне было уже, может, два с половиной года. Помню, попросил поесть, а матери нечего дать. Она успокаивает: «Сейчас соседка придёт... Потерпи!» Пришла соседка, дали мне холодную варёную картошку. Я откусил, и кусок картошки мне в дыхалку попал. Я начал задыхаться, синеть... Что делать? Они стали стучать мне по спине, а она не вылетает. Потом ударили уже основательно – кусок и выскочил наконец. Я начал дышать... Есть сразу расхотел! (Смеётся.) Вот этот случай в память отчётливо врезался.

В Москву мы приехали в конце 1944 года, зимой. Отец на санках нас с мамой вёз до станции Силикатная... Приехали в свою родную комнату в коммунальной квартире в Сивцевом Вражке, а там колотун страшный – не топили же. Только одна буржуйка топилась – у тётки Груши, и все ночевали у неё чуть ли не вповалку.

– Вы же парень арбатский, а послевоенный Арбат – мне это Игорь Кваша рассказывал – считался чуть ли не самым приклатнённым местом в Москве. Там царствовали блатная романтика, суровые законы двора...

– Я запомнил другое: в наш двор вернулись фронтовики – ещё мальчишки совсем, им было чуть за 20. Но они ничего не боялись, спокойно могли обезоружить любого – с ножом или с чем угодно. На парад или праздник они ещё ордена надевали, а в другие дни во двор выходили и в «расшибец» играли друг с другом на деньги. (Хохочет.)

Ещё дети! Повоевали, а в игры не наигрались – не успели. У меня одно из самых ярких детских воспоминаний, как в апреле 1945-го с фронта приехал дядя Андрюша и повёл меня в Парк Горького. Там на набережной вдоль реки почти до Нескучного сада стояла немецкая трофейная техника – «Тигры», «Пантеры», мотоциклы с пулемётами, БТР, и вся детвора лазила там. Счастье детское – такие большие игрушки. Удовольствие было – во!

– Вы как-то о себе сказали: конечно, я был ещё тот шалопай. Были шпаной?

– Шпаной – нет. Шпаной – это значит кого-то обижать. Настоящая арбатская шпана в те годы обитала ближе к «родине» Николая Афанасьевича Крючкова – в Проточном переулке. Вот там действительно суровые парни были. Приходили к нам драться двор на двор, но потом выпивали все вместе. Драться «до первой кровянки», «лежачего не бить» – эти правила железно соблюдались! Конечно, я не был пай-мальчиком. Мы и стёкла били, и с фонарём под глазом я частенько домой приходил. Но это когда уже стал постарше. Помню, гли-

рин с марганцовкой смешивали и подкладывали такую петардочку какой-нибудь бабке в корзинку. Или кошелек на ниточке привязывали. Прохожий идёт, видит кошелек, только нагнётся – мы дёрнем за нитку и – вжик – кошелек нет. Улетел! «Ах вы, шпана!» От мамы мне частенько доставалось за мои проделки

– Обычно актёры из послевоенного поколения, рассказывая о своём детстве, говорят: у меня было два пути – в тюрьму или в театральную студию. У вас была такая дилемма?

– Конечно! Из моих 35 одноклассников человек 10 прошли через тюрьмы. А я уже с 13 лет занимался в Московском городском Доме пионеров – в драмкружке. Одной из первых пьес, в которой я выходил на сцену, была сказка «По щучьему велению». Я играл царя, а Емелю – Лёня Нечаев, будущий режиссёр, который потом снял фильмы «Приключения Буратино», «Про Красную Шапочку»...

– Сейчас с кем-нибудь из одноклассников или друзей со двора общаетесь?

– Пять лет назад готовили передачу обо мне, и я нашёл телефон Шурки Пасынского. У него была кликуха Паса, у меня – Никон. Шурка круглый отличник был, умница. Сейчас – академик или профессор химии, преподаёт в МГУ, недавно книгу стихов издал. А вот я в школе не отличался хорошей успеваемостью. Чтобы закончить десять классов, мне даже пришлось идти в школу рабочей молодёжи и устраиваться на работу – сначала кондуктором на автобусе, затем почтальоном.

– К этому периоду относится полукриминальная история, как вы подделывали контрамарки?

– Какой же это криминал? Это даже, я считаю, святое дело! Очень хотелось спектакль посмотреть, а денег на билет не было.

Шикарные романтические костюмы, мощнейшие декорации. Потрясающе!

– Примеряли себя на роль Гамлета? Посещала мысль «на месте этого актёра должен быть я»?

– Всего один раз – когда один артист играл молодого Гамлета, а самому было уже за сорок наверняка! И играл он плохо. Я тогда подумал: «Вот я бы это так сыграл!» И как раз возраст у меня был самый подходящий – лет 15–16. В то время я выглядел очень молодо. Лет до 18, если с девушкой шёл в кинотеатр на картину «до 16», я всегда паспорт при себе держал на всякий случай. Иначе не пускали! В 18 выглядел на 14.

– Это что! Лариса Лузина мне рассказывала, как в курсовом спектакле во ВГИКе вы играли её 6-летнего сына. Сергей Герасимов держался за живот, в зале стоял просто гомерических хохот...

– Она на всех встречах это рассказывает. А вы знаете, что в те годы на наши студенческие спектакли вся Москва ломилась?! Слух мгновенно распространялся: мол, вот это обязательно надо посмотреть. Помню, в «Разбойниках» по Шиллеру Лариса играла Амалию, я – разбойника Шуфтерле, а Коля Губенко замечательно играл Шпигельберга. Думаю, Коля Губенко начался именно с этой роли. Затем у того же режиссёра – Кюна Зикфрида – он сыграл Артура Уи. Играл просто гениально! Попасть было невозможно – сарафанное радио так работало!

– У ваших педагогов Сергея Герасимова и Тамары Макаровой было своеобразное деление курсов: послевоенный курс называли «молодогвардейцами», следующий – «Рыбников – Ларионова», потом – «Гурченко – Кириенко». А ваш (несмотря на то, что там учились Жариков, Польских, Болотова, Прохоренко, Лузина) они называли «Губенко – Никоненко». Губенко и Никоненко были любимчиками?

– Вы спросите любого ученика Герасимова, спросите Лужину. Она вам скажет: «Герасимов меня любил больше всех!» Сергей Аполлинарьевич умел это ощущение внушить – каждый считал себя его любимчиком. Все его любили, и все хотели обратного чувства. Он был великий – и педагог, и психолог! А Тамара Фёдоровна была какова! Помню, говорит на одном из занятий: «Ребята, я наблюдаю, как вы в столовой кушаете. Это безобразно! Вы совершенно не умеете есть. Скоро – через год-два – вы сниметесь в картинах, вас повезут за границу. И что – вы и там так будете есть?» Даёт Володьке Буяновскому деньги: «Кастрюлю сарделек принеси! Сейчас будем все учиться!» Володя нёс кастрюлю, тарелки, вилки, ножи... Тамара Фёдоровна: «Коля Губенко, начнём с тебя». А Коля Губенко – круглый сирота, живёт на одну стипендию – постоянно ходил полуголодный

– То есть подкармливала всех?

– Да! Правда, мы не сразу это поняли... Губенко и так старается, и эдак. «Не получается у тебя, Коля! Ты закатый... Давай-ка ещё!» И пока он не съест пять сарделек, она не успокоится. Потом вызывает следующее... «Вилку вот так надо держать!» Правда, мне сарделек не доставалось: она знала, что меня дома накормят, поэтому говорила: «Серёжа Никоненко умеет правильно есть». А вот тех, кто в общежитии жил, тот же Володя Буяновский, Жора Склянский, но в основном Коля Губенко – он был первый, кого ей накормить надо было.

– Говорят, один из уроков Герасимова был урок скромности – он учил как «не зазвездиться».

– Он не то чтобы учил. Если кто-то на курсе только начинал вести себя как-то неправильно, он иронизировал над этим так, что всем стыдно было. «Смотрите не тресните от собственной значимости!» Говорил: «Если вдруг совсем начнёт распирает собственная значимость, берите пример со Льва Николаевича. Или перечитайте Лермонтова, Чехова!» То есть Герасимов сразу ставил «звезду» на место.

Ответил за Шукшина

– Ваш путь через огонь, воду и медные трубы можно назвать тернистым?

– Огонь и вода – это трудности в работе,

Друзей, знакомых стал водить. Себе выписывал бельэтаж или партер, им – на второй ярус. Иногда со мной чуть ли не десять человек проходили. А для Театра Вахтангова и для Большого у меня были другие беспроектные трюки... Я был в этом смысле больной ребёнок. Обожаю театр! Видел некоторые постановки не по одному, а по 20 (!) раз. Особенно любил ходить на спектакли «Гостиница «Астория», «Гамлет»...

как я понимаю. Да, иногда бывало трудно. Бывало холодно? Бывало. Трудные переезды? Были. Неорганизованная администрация, которой было наплевать? Встречал такое неоднократно.

– Со съёмом уходили, хлопнув дверью?
– Нет, такого никогда не было. Другое дело, что иногда напихаешь ему как следует! (Смеется.) Как уйти со съёмом? Разве виноваты люди, которые с тобой бок о бок работают? Виноват какой-нибудь один администратор, если это касается быта. Кстати, совсем недавно я вернулся из Вены. А шесть лет назад Женя Стычкин, Коля Бурляев и я были утверждены в одном австрийском фильме. Приехали. Небольшая австрийская деревня – большак и дома вдоль дороги. Машины круглые сутки – туда-сюда. Если окна номера в отеле на дорогу, заснуть вообще невозможно. На третий день Женя попросил режиссёра переселить его в номер с окнами на тихую сторону. На что тот отвечает: «Я не терплю капризы артистов! Вы у меня сниматься не будете!» Я открытым текстом говорю ему через переводчика: «Ни х... себе!»

– Прямо так?
– Да! «Переведи-ка ему: если ты такого артиста, как Женя Стычкин, снимаешь с роли за то, что он обратился с нормальной профессиональной просьбой, то и я у тебя не буду сниматься!» Вслед за мной и Коля Бурляев говорит: «И я не буду!» Собрали все трое вещи – и в Вену! Зато перед вылетом город посмотрели, поели пирожных в знаменитой кондитерской «Захер». Единственное, о чём жалею... В оперу на «Тоску» не сходили – ближайший спектакль был только через два дня.

– Вы востребованы были всегда. Говорят, в лихие 1990-е кинематографисты шутили: если за год вышел всего один фильм, в его титрах обязательно стояла фамилия Никоненко...

– 1996 год. На «Мосфильме» снималась одна картина – «Время танцора» Абдрашитова. И я там снимался! (Хохочет.) А что? Хорошая картина!

– А если серьёзно? Вы не вошли ни в один чёрный список, любимы членами Политбюро, милиционерами, президентами. И главное – народом. В чём секрет?

– Работай честно – вот и всё. Есть роль – надо отдать ей всего себя, даже, если требуется, через «не могу». Другое дело, вы спрашивали, я бастовал или не бастовал? Одного режиссёра пришлось ударить...

– За что?
– 1974 год. Незадолго до смерти Василий Макарович Шукшин собирался снимать фильм о Стеньке Разине и свой сценарий к картине «Земляки» отдал своему однокурснику режиссёру Вале Виноградову. А тот недавно за хулиганство отсидел года полтора-два. Вернулся. Ему никто бы снимать не дал, но Шукшин сказал: «Валя, бери сценарий, ставь свою фамилию. Я позвоню, тебя примут на киностудии». И действительно, Виноградову разрешили снимать. Но раз фортуна тебе улыбнулась – ты соотвечтуй хоть как-нибудь! А он то ли мстительный был, то ли чересчур обиженный.

– Может, тщеславие?
– Вполне возможно, жаба душила – ведь его однокурсники (тот же Шукшин, Тарковский, Митта) уже вовсю прекрасное кино снимали. Представьте ситуацию: на съёмку важной сцены прилетел Влад Заманский, а Виноградов вдруг начал капризничать: «Я эту сцену снимать не буду! Я голодный!» Покорили – опять отменяет смену. Я встал у него над душой: как так? Влад приехал всего на один день, добирался двумя пароходами, самолётом, поездом, а ты снимать не будешь? Тут он вообще ахинею понёс... Мол, в съёмочной группе «хлопушка» – красивая девочка, если с ней поладим – поеду. Я администратору говорю: «Ну-ка подними его». Тот поднял. Я ему в печень – бах! «Поедешь?» А я его ещё до этого перестал уважать... На съёмках в Нижнем Новгороде он попытался изнасиловать героиню – актрису Галю Ненашеву. Мы с Лёней Неведомским возвращаемся после прогулки по городу, а Галя растрёпанная, рыдая, бежит с лестницы. Выяснилось, что он позвал её на репетицию: «Я тебе покажу, как надо играть». Говорю: «Лёня, пойдём!»

На фото: Сергей Никоненко с женой и сыном

Открываю дверь, и он по моим глазам понял, что я пришёл его лупить... Начал оправдываться: «Это мой метод! Мне надо было напугать её». «А карябать ей грудь, рвать платье – это тоже твой метод, скотина?! Ты вообще не имеешь морального права снимать такой материал шукшинский!» Я сам развёл всю ту мизансцену с Владом Заманским, а Виноградову сказал: «Говори «мотор» и больше, гад, ни слова!» Он: «Мотор!» (Хохочет.) Хотя я без способностей был режиссёр, но вот... Подонки!

– Вы как-то сказали: «Об одном жалею – что на моей раскладушке не оставили автографы, те, кто на ней ночевал: Николай Губенко, Василий Шукшин, Геннадий Шпаликов, Эдуард Стрельцов...»

– Не только... И Володя Качан, и Вадик Спиридонов, и прочие-прочие. Богемная жизнь у меня дома на Сивцевом Вражке была замечательной. Гитара, закуска, выпивка, все молодые, весёлые. Кто-то зависал до утра, кто-то на несколько дней. Время за полночь, куда идти? Ложись! Никита Михалков как-то позвонил после развода с Настей Вертинской: «Можно я у тебя переночую пару ночей?» «Ночуй хоть три». Целых восемь месяцев прожил! И жили мы очень весело... Кстати, я пишу книжку о тех людях, которые оказали на меня большое влияние. И о тех, кого вы упомянули, обязательно – о моих родителях. Я ведь с такими людьми встречался! Что с Арамом Ильичом Хачатуряном за одним столом сидели и выпивали, это понятно – его сын Карен учился со мной на курсе и мы приходили к нему в гости. Но я однажды и с Шостаковичем рюмкой водки выпил... Это музыканты великие! А со сколькими великими артистами меня судьба сводила! Снимался с Николаем Гриценко, Олегом Ефремовым, Олегом Табаковым. Табаков в моих двух картинах снимался... Грандиозные совершенно люди! Думаю, лет через пять, если доживу, может, и допишу.

– Что мешает?
– Да мало времени! А письмо требует покоя. Мне говорят: «А ты наговори, и жур-

налист тебе всё напишет». Вот в это я как-то слабо верю. Потому что это уже не мой будет рассказ – не мои слова будут, не моя интонация.

– Нонна Мордюкова на любых обрывках бумаги в перерывах между дублями записывала интересные истории из своей жизни и всё складывала. Потом оказалось – готовая книга. Может, при дефиците времени так и надо писать?

– Правильно! Спасибо за совет!

– У вас в кино более 200 ролей. Есть среди них самые дорогие, что называется судьбоносные?

– В 1967 году Сергей Герасимов снял меня в одной из главных ролей в своём фильме «Журналист». Картина получилась очень мощная, главный приз завоевала на Международном кинофестивале в Акапулько. Вот там я почувствовал, что как актёр что-то уже умею. Очень для меня важны работы в фильмах «Красная площадь», «Парад планет», «Шестой», «Зимний вечер в Гаграх», «Завтра была война». А как режиссёр я очень люблю свою картину «А поутру они проснулись» по рассказам Шукшина, снятую в начале 2000-х. Я очень хотел это сделать, ведь благодаря Василию Макаровичу я стал режиссёром

– Очень люблю ваши роли в картинах «Классик» и «Китайский сервиз».

– Самое смешное, что в «Китайском сервизе» все на экране играют в покер, но до съёмки никто, включая режиссёра, не знал толком, что это такое. А я был заядлый покерист, и мне им пришлось объяснять всякие нюансы игры. Раньше-то я был большой любитель карт. Играл во всё!

– Игрок вы были фатовый?

– Бывало выигрывал крупно! Помню, на съёмках мы втроём – Гера Полозков, кинохудожник Феликс Ростоцкий и я – ночами резались в покер. И я выиграл у Феликса довольно приличные деньги – по тем временам на них машину можно было купить. Но

простил ему, сказал: «Накрой стол в «Метрополе», и разойдёмся по-хорошему». Ох, как он обрадовался! Но именно с тех пор, с 1973 года, я в азартные игры не играю – завязал.

– Почему?
– Игровой азарт напугал. Я понял, что этот пакостный адреналин может быть сильнее любого наркотика.

– Вы сняли немало замечательных картин, но свою супругу – актрису Екатерину Воронину снимали нечасто...

– Это вы так считаете! А помню, первый зампред Госкино Павленок, посмотрев одну из моих картин, где главную роль сыграла Катя, даже упрекнул: «Однако любите вы, режиссёры, своих жён снимать». На что я сыронизировал: «Наверное, это неправильно! Давайте снимать ваших». Он очень оскорбился. Катя у меня сыграла в фильме «Ёлки-палки!», в «Трын-траве», в «Кораблях пришельцев». Хотя, бывало, обижалась, если подходящей роли для неё не оказывалось. И при этом я никогда не протезировал её нигде, не ставил режиссёрам ультиматумов: мол, не буду сниматься, если не дадите роль жене.

– Кстати, у вас в юности была слава на редкость любвеобильного мужчины. Тем не менее красавицу Катю вы брали штурмом... Как определили, что именно она ваша судьба?

– Екатерина самая недоступная была! Я во ВГИКе учился уже на режиссёра, а она – на курсе Бориса Бабочкина – на актёрском. Красавица была писаная, кто только к ней не подкатывал. Но нравом очень строгая – из старообрядческой семьи. Крепость! А мне всегда нравились недоступные девочки. Целый год муржила! И стихи читал, и в театры пригласил. Ни в какую! Но через год не устояла-таки перед моим обаянием. Получилось очень символично: мы сыграли свадьбу как раз 14 июля – в День взятия Бастилии.

– Ваш сын Никанор пошёл по вашим стопам, стал режиссёром. Как думаете, есть шанс, что скоро он нас всех приятно удивит?

– Надеюсь! Знаете, это ведь тоже – как повезёт. Дело случая! А сегодня это особенно. Но пока главное достижение Никанора в том, что он подарил нам внука, которого назвали в честь моего отца, Петром. За это я ему уже очень благодарен!

– У актрисы Валентины Ивановны Теличкиной, с которой вы снимались в «Журналисте», недавно в Доме кино была выставка живописи... Если не ошибаюсь, вы ведь тоже неплохо картины пишете.

– Уже не пишу. Не-когда! Ну если Валентина Ивановна – обеспеченный человек, она может себе позволить рисовать, то я должен обеспечивать семью. А семью я обеспечиваю! Покушать надо, заплатить за няню, за английский, за теннис...

– А Никанор Сергеевич?
– Участвует постольку-поскольку Никанор Сергеевич! Но всё равно всё лежит на мне. У Никанора другая семья. У нас беда же: Вера, мама моего внука, умерла в 29 лет от рака мозга. Изумительная была девочка! Лучшие врачи не смогли спасти. Теперь Петя с нами живёт, а внучка Катя (я их называю Пётр Первый и Екатерина Вторая) – в новой семье сына.

– Недавно Станислав Говорухин на вопрос о секретах своей физической формы честно ответил: «Выпиваю, курю, ем всё, что нравится. Вот и весь мой «здоровый» образ жизни». Если переадресовать этот же вопрос вам?

– Секреты физической формы? К счастью, природа подарила мне хороший «обмен вещей», как говорил «всесоюзная Баба Яга» Георгий Францевич Милляр. Бывает и выпиваю. Но никогда не злоупотреблял этим делом. Просто я рано понял, что у слона и у соловья – разные дозы. Да и наглядный пример был у меня, извините, – Никита Михалков! Который, как бы с вечера ни загулял, как бы весело ни было, но в семь утра как штык вставал, делал зарядку, под душ... Никита говорил: «Не можешь – значит, с вечера не надо баловаться!» Ничего лучше не придумаешь – делай, как он, и всё. Железный человек

ИСКОННО РУССКАЯ АИДА

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Зинаиды Кириенко: «От обиды я как заору на Герасимова: «Ну и не нужен мне ваш ВГИК и ваша Москва! И вы, и ваш Шолохов вместе с «Тихим Доном!»

Вся жизнь звезды советского кино Зинаиды Михайловны Кириенко – это готовый сюжет для лихо закрученного детектива. Мало кто знает, что красавица актриса, которую помнят и любят несколько поколений зрителей, всю жизнь прожила под чужими именами, фамилией, отчеством и на самом деле она Аида Георгиевна Широкова. Другим «тёмным пятном» в её биографии стал 1966 год, когда в самом расцвете и на пике популярности после «Тихого Дона» и «Судьбы человека» Кириенко на восемь лет (по меркам кино – целую вечность!) категорически запретили снимать. И не снимали. Так председатель Госкино СССР отомстил строптивой красавице за то, что не ответила ему взаимностью. К счастью, этот сюжет с хеппи-эндом: судьба всё-таки подарила актрисе «Любовь земную», любовь неземную и триумфальное возвращение на экраны.

Интервью 2016 года.

Тайна тётиных дневников

– Зинаида Михайловна... Или Аида Георгиевна? Как прикажете вас называть?

– (Смеётся.) Конечно, ближе к истине второй вариант, но к первому я больше привыкла.

– Расскажите, как же так получилось.

– С моим рождением и именем вообще вышла целая история. Не знаю только, трагикомическая, героическая или романтическая. Но, похоже, пророческая на все сто! Моя мама, будучи беременной мною, прочитала роман о судьбе древнегреческой драматической актрисы по имени Аида. Книга произвела на неё такое мощное впечатление, что мама решила: у неё обязательно родится дочь, которая непременно станет драматической актрисой. Поэтому даже имя мне придумала до рождения – Аида.

– А если бы родился мальчик?

– Ну что вы! Надо было знать мою маму. Лихая кавалеристка – она в седле сидела, как амазонка. Слова поперёк не скажи. Огонь, а не женщина! Красивая, волевая, энергичная... Решила, что будет девочка, – значит, так и будет! Но, когда я родилась, мама сильно заболела, и зарегистрировать меня пошёл отец – Георгий Широков. Иначе по законам того времени – штраф. Шёл и размышлял: «Аида? Зачем такое замысловатое заморское имя русской девочке?» И записал: «Зинаида». Когда матери метрику показал, она забила в истерику. А он успокаивал: «Смотри, Шура: Зина и Ида – два имени. Одно – как ты и хотела». Поэтому всё моё детство и юность я была Идой. Когда родители развелись, я стала Ида Иванова (Иванова – мамина девичья фамилия). Во ВГИК поступала как Ида Кириенко – в 14 лет я взяла фамилию и отчество отчима. Так и однокурсники меня называли, пока в титрах фильма «Надежда» не понадобилось паспортное имя писать. С тех пор я – Зинаида. Но всё равно привыкла я к этому имени с большим трудом. Только в последнее время смирилась.

– Мама с пелёнок в вас взращивала актрису?

– Да нет, конечно. Когда ей? Она была

настоящим человеком своего времени. С утра до вечера работала на рыбоконсервном заводе. То яростно училась, то восстанавливала разрушенные войной элеваторы. Кроме того, руководила кружком ворошиловских стрелков, воспитывала кавалеристов... Если кто-то серьёзно и повлиял на моё желание стать актрисой, то это мамина сестра – тётя Женя, откровенные дневники которой я прочитала и загорелась: вот и мне бы так!

– А что такого сверхъестественного было в этих дневниках?

– Там она очень ярко описывала, как мечтала о цирковом манеже, рассказывала о своей первой любви... Вообще, её история уникальная! Представляете, в 15 лет она убежала с бродячим цирком шапито и стала воздушной акробаткой. Циркачи постарше наверняка помнят известную семейную пару – Яков Пименов и Евгения Иванова. Дядя Яша был клоун, коверный, виртуозно играл на концертино размером от спичечного коробка до футбольного мяча – сама видела! Во время своего «коронного» номера перепрыгивал семь автомобилей. А тётя Женя вытворяла чудеса под куполом цирка, восхитительно пела, танцевала. И красоты была просто невероятной! Когда я всё это читала, а мне было лет тринадцать, – дух захватывало! А как увидела тётю Женю и её красоту – всё было решено окончательно. К сожалению, она умерла совсем молодой – в 22 года во время родов... Дядя Яша, кстати, потом приходил на мой творческий вечер в Казани. Такой напوماженный весь – ну одно слово: Артист!

– В детстве ваши сценические таланты были заметны для окружающих?

– Думаю, да. Я была очень активная – читала стихи, ходила в драмкружок. С концертными программами мы выезжали на полевые станы. Ещё считалось, что я хорошо пою. Помню, в школе у нас был учитель Василь Васильич, худой такой, длинный. Во время войны он четыре года провёл в немецком плену, там выучил немецкий язык, его же у нас преподавал. И частенько... поддавал. Он очень любил, когда я и один мой одноклассник пели вместо урока. «Кириенко, Примаков! Спойте мою любимую...» И мы затягивали на два голоса. (Поёт.) «Скажи, сынок, скажи родной, скажи, казак мой молодой...» Василь Васильич слушает и, прикрыв лицо ладошкой, плачет. Потом ставит нам по пятёрке

– Судя по детским фотографиям, девушка вы были красивая. Парни в вас часто влюблялись?

– Были такие, что брату моему на безответные чувства жаловались. Но в юности мне было точно не до романов. Я очень такая была... Максималистка! И, наверное, со стороны чудаковатая.

– Как это проявлялось?

– Любила в одиночку уходить на природу, общалась с луной, со звёздами. Любила полежать в полныни, надышаться запахом чабреца и долго-долго смотреть в небо. Вот вы спрашиваете про любовь... О чём вы говорите? Я – пела. Я выходила в степь и – «О-о-о-о!!!» Ни души же вокруг – красотища. Вот такие были у меня порывы! Лет с пятнадцати я точно знала, что поеду учиться на артистку.

Нетихая донна

– Во ВГИК вы поступили сразу, но учиться не стали. Была веская причина?

– Конечно! Меня ведь приняли с припиской «условно». А это значит – ни общежития, ни стипендии, отчислить вправе в любой момент. Не я одна – многие так поступали. А где жить, на что? Помню, сижу, горюю: как быть? Вдруг ко мне подходит Тамара Фёдоровна Макарова, которая была в приёмной комиссии: «Деточка,

Станица Новопавловская. Мама, двоюродная сестра Лариса, старший брат Володя, бабушка Анна Михайловна, Зина (Ида) и отчим Михаил Игнатьевич Кириенко. 1947

мой тебе совет: езжай домой. А на следующий год Сергей Аполлинарьевич Герасимов будет свой курс набирать. Он тебя возьмёт.

– То есть Тамара Макарова сразу на вас глаз положила?

– Видимо, так. Вот что это было? Удача, счастливый случай или судьба? Сейчас, спустя много лет, я могу предположить, что уже тогда Сергей Аполлинарьевич присматривал актёров для «Тихого Дона». И увидел во мне свою Наталью. Так или нет, не знаю... Но я прислушалась к её совету. И на будущий год поступила к Герасимову.

– Ещё будучи студенткой, вы снялись в «Тихом Доне», «Судьбе человека». Какие самые яркие воспоминания со съёмок?

– Знаете, что самое удивительное? Даже жизненные ситуации, как бы они ни были остры, я очень редко запоминаю до таких мелочей. А все свои переживания на съёмочной площадке до сих пор помню ярко-ярко. Как я готовилась, о чём думала в тот момент, что ощущала... Был случай, когда я пришла на репетицию, слегка выветлив волосы. А в ту пору студентам герасимовского курса непозволительно была любая вольность – нельзя было ни губы красить, ни завивки, перманенты делать. Никаких декольте, экспериментов с внешностью – Боже сохрани!

– «Криминал» – вплоть до отчисления?

– Ещё какой! Герасимов с Макаровой нас в строгости держали, готовили к серьёзным жизненным испытаниям в творчестве, где главное было «пронести себя достойно». А я репетировать одну из сложнейших сцен в «Тихом Доне» (где Наталья прокликает Григория за измену) пришла в таком «легкомысленном» виде. Чтобы Сергей Аполлинарьевич не заметил, я специально на голову платочек повязала и мгновенно забыла об этом – вся была сосредоточена на сцене. Там Наталья, как пишет Шолохов, сорвала с головы платок, упала лицом на мокрую землю и зарыдала. И сыграла я это просто здорово – сама от себя такого не ожидала. У меня слёзы брызнули, я срывающимся голосом прокричала проклятия и упала. Упала и лежу счастливая – жду от Герасимова похвалы. Вдруг открываю глаза и вижу: мой-то платок на полу лежит. А вокруг – гробовая тишина.

– Заметил?

– Да! Герасимов никогда не позволял себе мата, но у него находились вполне цензурные слова, которые ранили сильнее, чем отборная брань... Он как понёс: «Как ты могла, как посмела?!» А я от обиды – я-то считала, что меня надо похвалить за эту сцену! – не выдержала и взорвалась. Вскочила и как заорю: «Ну и не надо! И не нужен мне ваш ВГИК, и Москва мне ваша не нужна! И вы, и ваш Шолохов вместе с «Тихим Доном»! Герасимов испугался, дол-

го молчал. Потом подошёл, погладил меня по голове и говорит: «Да успокойся, будешь сниматься, будешь. Молодец, ты актриса. Умница! Но волосы приведи в порядок!» Вот этим и кончилось. Ни разу в жизни он больше на меня голос не поднимал. И сцену эту мы больше не репетировали – её сняли с одного дубля

– Вы ощущали его особое отношение? Ведь в киношных кругах у Герасимова была слава сердцееда, донжуана...

– Если вы намекаете на то, что он питал ко мне какие-то нежные чувства, то ничего подобного не было. Наоборот, это я ему однажды призналась в любви. Это было в Сталинграде, когда после первого курса я у него в своей первой картине «Надежда» снималась. Причём это был скорее эмоциональный порыв, я даже не знаю, что за чувство – ведь все мы, его ученики, его боготворили. Но, согласитесь, был бы Герасимов ловеласом и сердцеедом, воспользовался бы этой ситуацией – ему это ничего не стоило. А он мне сказал: «Надо свои чувства уметь сдерживать. Потом будешь себе благодарна всю жизнь!» Ловелас не влюбился бы как мальчишка, не поехал бы к родителям Нонны Мордюковой – знакомиться... За все годы я никогда не видела его сальных глаз. Вообще! Восторг – сколько угодно. Особенно если сцена у кого-то удалась. Поэтому я всё равно сохранила к Герасимову самое чистое светлое чувство и благодарность. За этот случай в том числе.

– Не успев закончить вуз, вы стали знаменитой и популярной. Судя по всему, недостатка в предложениях сниматься не было?

– Да, снималась я много. 1959 год, 1960-й. В «Казаках» в Грозном, «Вдали от Родины» в Киеве, у Солнцевой в «Повести пламенных лет», «Зачарованная Десна»... Я всё время была в киноэкспедициях. Другое дело, что... Может, неправильно, что роли чаще всего мне предлагали однотипные – где был нужен надрыв сердечный. Поэтому очень много даже отказывалась.

– Как встретили внезапно нахлынувшую славу?

– Нормально. А для чего работать, если ты артистка и тебя никто не знает?! Я не верю, когда актёры говорят: «А я не хочу, чтобы меня узнавали!» Повышенное внимание было, ну а как же? Письма на моё имя приходили мешками. Почти в каждом – любовное признание. И из тюрем писали, обещали приехать. Но, как говорится, Бог миловал.

На мне поставили крест

– В ту пору кумирами миллионов были Жан Габен, Жан Марс... А вам из звёзд небосклона того времени кто нравился?

– Вы знаете, никогда не увлекалась мужчинами «на экране». Никогда! Я больше на актрис смотрела. Правда, мне нравился когда-то, и то в школьные годы, Роберт Тейлор в фильме «Мост Ватерлоо», где они играют с Вивьен Ли. Он был там очень красивым, как мне казалось, глазастый такой...

Может, его какая-то сдержанная манера импонировала. А мужчины актёры, как правило, красуются собой. Это ужасно! Глаза делают такие... «томные».

– В 1950-е – 1960-е годы вы со своими картинами объездили много стран. Что за границей удивило больше всего?

– Безусловно, поразил «Фестиваль фестивалей» в мексиканском Акапулько, куда мы приехали с «Судьбой человека» осенью 1959-го. В нашей делегации были Герасимов с Макаровой, Юткевич и писатель Симонов. Удивительное дело: люди съезжались отовсюду, чтобы увидеть нашу картину, хотя рекламы в те годы почти никакой не было. Помню, после финальных титров в зале воцарилась мёртвая тишина, и лишь спустя несколько минут зал взорвался аплодисментами. Публика бросилась благодарить – нас вынесли на улицу на руках. Все мы плакали – не могли сдержать слёзы. Знаете, пережить такое сегодня, наверное, удаётся не каждому, даже великому артисту.

– Повышенное внимание со стороны иностранцев ощущали?

– Ну а как же?! Всё-таки для остального мира Советский Союз был закрытой одиозной страной. Помню, я в шортиках была и в такой белой кофточке с завязочками, прикрывающей тело, скажем так, не полностью. И Тамара Фёдоровна мне целую нотацию прочитала на эту тему: «Зина, на тебя же все смотрят. Ты же из Советского Союза!» Я говорила: «Но здесь же так жарко и все так ходят!» «Нехорошо». Кстати, я приехала в Акапулько в платье, купленном в обычной московской комиссионке и, конечно, попала под пристальные взгляды

С многолетней подругой актрисой Элиной Быстрицкой на кинофестивале. 2000-е

зарубежных актрис и журналистов. Ведь много тогда за рубежом иронизировали, что в СССР нет моды, магазины пусты, женщинам надеть нечего. А через несколько дней мне принесли журнал с моей огромной фотографией. Подписи под фото гласила: «Советская актриса Кириенко – эталон советской моды»

Никогда не забуду, как в составе первой советской делегации от ЦК комсомола я поехала в турне по США – и какой мы про извели там фурор. Американцы смотрели на нас, как на инопланетян.

– Почему как на инопланетян?

– Потому что до этого они представляли СССР и наш советский быт по фильму-сказке «Каменный цветок». На полном серьёзе думали, что в Москве по улицам медведи ходят и люди – в лаптях и кафтане. Поэтому у них буквально глаза были на лбу. Это было незабываемо – что вы! Более того, главный советский праздник –

7 Ноября – мы справляли в Главном полицейском управлении. Скинулись по

7 долларов, устроили вечеринку. Американцы нам ещё ящик вина притащили, а потом вместе с нами гимн СССР пели.

– Зинаида Михайловна, с 1966 по 1974 год вы не снимались. Это правда, что все эти годы не знали причину?

– Клянусь, не знала! А откуда? Меня то и дело спрашивали: «Почему вас нет в новых фильмах?» Я не знала, что ответить. Столько насниматься в популярных лентах – и вдруг... Как отрезало! Правду я узнала только от Станислава Ростоцкого на фестивале в Баку в 1974 году. «Разве не знаешь, – сказал он мне, – что ты была в списке, где стоял наверху крестик – «не снимать»? – «Нет!» – «А помнишь свои отношения с таким-то (называет известную фамилию деятеля Госкино)?» – «Да у нас с ним не было никаких отношений!» – «Так вот поэтому тебя и не снимали. Он сам мне рассказывал, как ты ему отказала».

– Прямо вот так?

– Почти слово в слово передаю наш разговор. Я ведь даже представить не могла, что такое бывает! Что тебя просто могут вычеркнуть из жизни! Я сразу вспомнила, как в 1966 году на декаде русской литературы и искусства в Чимкенте мы жили в номере с Ниной Дробышевой. Вдруг приходит этот... человек-монстр, который на всех наводил ужас, и приглашает нас в ресторан. Сидим, столик на троих. И он рассказывает: «А вы знаете, как меня донимают режиссёры? Даже тот же ваш Герасимов... То плёнку просит, то ещё что-то. А я-то знаю, что все они у меня вот где (показывает кулак)! Я только брови сдвину,

а у них поджилки уже трясутся». Понимаете? Вот эта вот гадость, чванство... Он хвастался тем, что все они от него зависят. «Поджилки трясутся...»

– Неужели даже такие глыбы, как Герасимов, его боялись?

– Да ради чего он будет портить отношения? Подумаешь! Не Кириенко, так другая будет сниматься. Какая разница?! Только я вас прошу: не будем называть его фамилию. Мне даже противно о нём вспоминать.

– Татьяна Конюхова рассказывала, что, когда её предал друг-режиссёр, она впала в депрессию, чуть не умерла от истощения. Как же вы всё это пережили?

– Я работала. У меня семья – любимый муж, двое детей. К тому же у меня Театр киноактёра, гастроли по всей стране. А закончилась вся эта неприятная история неожиданно. На том же фестивале в Баку ко мне подошёл Евгений Матвеев: «Зина, я затеваю картину «Любовь земная» по роману Петра Проскурина. Там для тебя будет интересная роль». Только благодаря Матвееву, который первый снял этот негласный запрет, я вернулась в кино.

С мужем Валерием Тарасевским. 1960-е

Матвеев – это фигура мощная была, независимая. С ним считались.

– Ваша Ефросинья в этом матвеевском фильме – хороша!

– Лично для меня её история – некое продолжение истории Натальи из «Тихого Дона» как типа исконно русской женщины. Ведь почти все мои героини – это были женщины-страдалицы, на которых земля наша держится. Такие войну помогли выиграть, выстоять в самые суровые для страны времена.

– Да и вы сама, судя по всему, тоже из таких. Разве не так?

– Ну то, что я могу любые трудности пережить, какие не каждая женщина вынесет, – это точно. Могу! Только измены не смогла бы пережить, наверное.

С автором «Тихого Дона» писателем Михаилом Шолоховым. 1958

«Любовь земная» и неземная

– В картине «Любить по-русски» вашу героиню зовут Зинаида Георгиевна Широкова. В память об отце?

– Да. Это я предложила Матвееву назвать её так. Уж очень хотелось, чтобы хотя бы в кино прозвучали мои настоящие отчество и фамилия. Ведь у моего папы очень нелёгкая судьба. Перед революцией он учился в Тбилиском юнкерском училище на армейского музыканта. В 1919 году белогвардейцы этих молодых ребят посадили на корабль и отправили в Лондон, чтобы спасти от расправы. Но в Англии в те годы был кризис, королева не приняла корабли, юнкеров выбросили в никуда. Вот

так он мыкался восемь лет. Работал в ресторане – подсобным рабочим. Бабушка рассказывала, что они там очистки картофельные варили и ели, чтобы не умереть с голоду. Когда в 1925-м вышло постановление Совнаркома о возможном возвращении таких, как он, папа ещё два года копил деньги на обратный билет. Приехал, а ему определили места жительства – аулы Дагестана, где они и встретились с мамой и где я родилась. Мне было года три, когда они разошлись. И фамилию-то мне сразу поменяли – боялись, что фамилия отца-белогвардейца выйдет мне боком. А в 1939-м папу арестовали. Придумать могли любое – что угодно. Конечно, я многого не знаю, но знаю точно: мой отец прожил тяжёлую жизнь. И где кончил дни свои – никто до сих пор не знает

– Вы стали драматической актрисой, как и мечтала ваша мама. Настоящей Аидой! Она была рада этому событию?

– Конечно! Я помню, как приехала в нашу станицу с «Тихим Доном» и у меня

навстречу молодой парень – красавец, великолепно сложенный, как потом оказалось, спортсмен. «А я вас знаю – вы актриса Зинаида Кириенко!» Оказалось, что его тоже пригласили поучаствовать в съёмках «Казаков» – в массовке. Потом мы с Валерой встретились на съёмочной площадке. Два месяца мы с ним гуляли, как пионеры. Ухаживал он необыкновенно! Ну и оба полыхнули как спичка... Короче говоря, через два месяца после знакомства в доме его бабушки мы сыграли свадьбу. Самое смешное, что, когда съёмки закончились и мы уехали в Москву, местные жители шутили: мол, приехала московская артистка и увезла самого красивого казака. Вскоре у нас родился сын Тимур... Мне тогда было 28 лет. А в 35 я второго сына, Максима, родила.

– О том, как нежно вы с мужем друг к другу относились, в кинокружках ходили легенды...

– А это и есть настоящая любовь, до гроба. Он был для меня единственным, насто-

да казалось невозможным бросить театр. Я отказалась. А так ездила и была бы ещё известна как эстрадная певица.

– Было бы здорово послушать «Зинаиду Кириенко с оркестром»!

– Конечно, здорово! Но нельзя объять необъятное. Ведь тогда в театре я играла чудные роли – Екатерину, Госпожу де Реналь в «Красном и чёрном», в музыкальном спектакле «Бабий бунт»... Именно потому я не могла уйти.

– А сейчас, когда нет театра, чем занято свободное время?

– А его, к счастью, почти нет. Концерты, встречи, слава Богу, на все фестивали приглашают. Скучать не приходится! У меня же ещё три внука, две внучки, правнук и правнучка, которыми я горжусь. Так что я счастливая мама, бабушка и прабабушка.

– Зинаида Михайловна, а как при всём том, что вы сейчас перечислили, вам удаётся так хорошо выглядеть, сохранять силы, энергию?

Зинаида Кириенко (слева) со своим мастером курса во ВГИКе Сергеем Герасимовым. Конец 1950-х

ящим, верным – именно тем стержнем, который скреплял нашу семью. Он и дом держал, и сыновей растил, пока я деньги зарабатывала. Рада, что он был не из актёрского цеха – замуж за артиста я никогда не хотела. Увы, одиннадцать лет назад Валерий ушёл из жизни... Инфаркт!

– Это правда, что в смутные 1990-е вам предлагали бросить Театр киноактёра и уйти петь на эстраду?

– Был серьёзный разговор с директором Росконцерта. Даже давали коллектив музыкантов. Это сейчас, как вы видите, эстрада стала у нас главным искусством. А мне тог-

С актёром Петром Глебовым (сыгравшим Григория Мелехова) на съёмках «Тихого Дона». 1958

– Да почти ничего не делаю! Ем всё, что нравится, но стараюсь не переедать. Люблю попариться в баньке на даче, а потом попить чайку из самовара, полежать, расслабившись, почитать. У меня же профессиональная закалка: умылась, оделась, сделала причёску, макияж и фик-фок. И ты уже в порядке.

– А что такое «фик-фок»?

– (Хохочет.) Это когда ты уже видишь, что можно выходить в большой свет. Но самое главное в человеке – это внутренний мир, я никогда не устану это повторять! ■

НАСТОЯЩИИ СТАЛКЕР

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Ирина Кайдановская: «Сашу свели в могилу проклятая спонтанность и алкоголь».

Александр Кайдановский прожил 49 лет – всего ничего. Но успел немало: как режиссёр снял шесть фильмов, как актёр сыграл в пятидесяти двух. Среди них такие шедевры как «Свой среди чужих...» Никиты Михалкова и «Сталкер» Андрея Тарковского. А вот память о себе оставил неоднозначную. В попытках разобраться в масштабах личности Кайдановского о нём сняты документальные фильмы, написано несколько книг воспоминаний. Там много интересного: как он снимался в своих лучших картинах, как ночами писал свои невероятные сценарии, дрался с Никитой Михалковым на съёмках «Свой среди чужих...». Как гордо приглашал в свою сырую и с прогнившими полами коммуналку Марчелло Мастоияни, подшофе в ресторане потрясая читал любимого Арсения Тарковского и как был готов насмерть вцепиться в любого, кто не разделял его литературных пристрастий. Очень многие с интимными подробностями вспоминают о его любовных романах – с резаньем вен и даже поножовщиной. И все авторы единодушно сходятся в одном: Кайдановский – яркая, самобытная фигура, он не оставлял к себе равнодушным. Недаром его вторая супруга – актриса Евгения Симонова – однажды призналась: «У меня в жизни было две страсти – лошади и Кайдановский». Каким же он был на самом деле? Этот вопрос открытым остаётся до сих пор.

...Квартира в хрущёвке одного из микрорайонов Ростова-на-Дону. Здесь живёт человек, который знал его лучше всех – с самой юности. Её имя – Ирина Кайдановская. Первая любовь, первая женщина, жена и мать старшей дочери Кайдановского – Даши. Именно на её долю выпал самый сложный период в жизни будущего Сталкера – на её глазах начинающий ростовский актёр Саша Кайдановский стал тем, кем сегодня его знают все. Они прожили вместе ярких девять лет, где было много счастья, любви, романтики. Но и много того, что до сих пор вспоминать больно – измены, пьяные дебоши, изгнание из театра, уголовные дела...

Интервью 2016 года.

Саша вдруг захотел семью и детей

– Ирина Анатольевна, с Кайдановским вы познакомились осенью 1962 года?

– Да, я тогда занималась в драматической студии при Дворце культуры строителей, и мы репетировали спектакль под названием «Девушка с веснушками». Такая типичная советская патриотическая пьеса – про строительство, семейные отношения, про завод. И естественно – про любовь! Так вот главного героя – Мишку Гусева – играл пятнадцатилетний студент второго курса ростовского училища искусств – Саша Кайдановский. Не помню толком, как так получилось, но, начиная с первой репетиции, мы практически не расставались, всегда ходили одной компанией – моя неразлучная подружка Женька, Саша и я. Нам было хорошо, весело, и мы к нему относились как к подружке. Вот я не делила: Женька, Сашка... Ходили в филармонию, в Дом актёров на всякие интересные мероприятия, литературные вечера, обсуждали фильмы.

– У него уже в юности проявлялись повадки ловеласа?

– Нет, абсолютно! Молодые люди по-разному же себя ведут в компаниях, в гостях. Он в первую очередь обращал внимание не на девчонок, а изучал книжные полки. Карманы его брюк всегда оттопыри-

Саша (в центре) с друзьями во дворе своего дома. Середина 1950-х

вались какими-нибудь томиками любимых поэтов: тут – Евгений Евтушенко, там – Андрей Вознесенский. Он постоянно носил книжки под мышкой. Пушкина знал наизусть – от корки до корки. Знаете, какой Саша был тогда? Очень худенький, скромно одетый, у него были очень коротко подстриженные светлые волосы, бледное, с веснушками лицо, светло-серые глаза и очень красивый тембр голоса. Он был очень общительным, щедрым на всё то, что знал, чем владел. А увлекался он разными видами искусства. Прекрасно знал литературу, поэзию, великолепно читал стихи. Не всё, что попало, читал – только то, что любил. У него было какое-то бешеное чутьё и отменный вкус. Необычайно непосредственный, искренний, бескомпромиссный, бескорыстный. Мог отдать последнюю рубашку первому встречному, и, кстати, отдавал.

– Правда, что он на магнитофон начитывал стихи, оттачивая мастерство?

– Он это делал ночами. А когда я приходила, включал магнитофон и давал послушать результат. Знаете, я за свою жизнь слышала выступления многих выдающихся чтецов, да и их курс в Щукинском училище был замечательный – Нина Русланова, Леонид Филатов, Борис Галкин, Иван Дыховичный – почти все знаменитыми актёрами стали. Но он лучше всех читал стихи, и меня в этом никто не переубедит. Читал как бог! Иначе не скажешь...

– Эти его страстные увлечения поэзией, литературой, театром – от мамы?

– Однозначно. Его мама, Вера Александровна, закончила Институт культуры в Долгопрудном и как режиссёр народных театров вела театральные кружки в клубе завода «Ростсельмаш». Ставила серьёзные пьесы про любовь... Саша ей всю жизнь не мог простить, что в детстве она не дала ему ни одной серьёзной роли. Когда

быть!» Она же у нас первой красавицей считалась всегда.

Но даже в ухаживании он был очень своеобразный. Помню, однажды, глубокой ночью он захотел меня увидеть. Я уже спала. Он не постучал, не позвонил, а полез в окно. Я жила на первом этаже. Саша старался это сделать как можно бесшумнее, но, конечно же, всё стало падать, биться, и получился целый переполох. Вот он такой был: захотел увидеть и... увидел. Закончилось тем, что мой папа пошёл его провожать. Кстати, когда он сделал мне предложение, я оказалась к этому совершенно не готова.

– Почему?

– Считала, что мы слишком молоды и жизнь впереди ещё очень долгая. А он был вообще такой: возникла мысль в голове, он тут же её высказывал. Он вдруг захотел, чтобы я стала его женой, чтобы у нас были дети, чтобы мы жили вместе. Где и как (а жить было негде), его совершенно не волновало. Он был абсолютно безытнанный человек, так, по-моему, на всю жизнь им и остался...

Родители устроили нам шикарную свадьбу. Кстати, она состоялась ровно 50 лет тому назад – в марте 1966-го.

В карманах – одни дырки

– Александр тогда уже учился в Щукинском училище?

– Он ведь сначала четыре года отучился в ростовском училище искусств, потом в Школу-студию МХАТ поступил. Вообще, сколько его помню, главной его любовью всегда был МХАТ. Но в Школе-студии даже двух месяцев не смог удержаться.

– Была причина?

– По его словам, «там оказалось, столько церемоний!» Правильно, что театр начинается с вешалки! Там гардеробщик подаёт всем пальто, а ему за это нужно денежку в карман положить. Таковы традиции! А у Саши никогда денег не было – в карманах дырки одни. Не только это – многие традиции, которые мхатовцы культивируют, его разочаровали и раздражали. Атмосфера менторского наставничества и поучений, жёсткая субординация закулисных отношений... Ну им нравится эта «игра»! Со сцены она переходит в фойе, потом актёры домой всё это несут. А Саша хотел в любых обстоятельствах оставаться самим собой. Таков его главный жизненный принцип! В результате перевёлся на первый курс Щуки. В этот период мы много переписывались. Из писем я выяснила, что у него на первом месте друзья, на втором – жена, на третьем – всё остальное.

– Вас это обижало?

– Нет, абсолютно. Друзья у него были удивительные – скульпторы, художники, актёры, музыканты. Но всё дело в том, что уже через год, как Саша уехал из Ростова, он стал как-то меняться. Здесь ему хотелось семьи, тепла, он мечтал о детях. А когда я переехала к нему в Москву, то поняла, что его отношение изменилось в первую очередь к семье. Он никогда и не был классическим семьянином-домоседом. Мог прийти поздно ночью с кучей гостей, или под утро, уехать неожиданно, ничего не сказав. Он никогда не убирал, не готовил и мне не советовал этого делать. Никогда не замечал – убрано или не убрано. К своим книгам вообще не разрешал прикасаться. Книги разбросаны по всему дому? Так и надо! Терпеть не мог, когда я «наводила порядок»

– В одном из интервью Кайдановский с гордостью рассказывал, как вы жили чуть ли не в подвале на Арбате – с полчищами крыс и провалившимся потолком...

– И я вспоминаю то время как самое лучшее. Ведь мы были там счастливы! Этот дом под снос стоял в двух шагах от Театра Вахтангова, где он параллельно с учёбой работал. И крысы у нас действительно были. Белые, лабораторные! Это не какие-то там грызуны с холерой какой-нибудь, абсолютно ручные. Они приходили из-под пола, и

Вера Александровна с Сашиним отцом разошлись и в новой семье у неё родился сын Миша, она купила мальчику пианино, записала во французскую школу. Саша потом иронично восклицал: «Мама, ты всё перепутала! Это меня надо было учить музыке и французскому языку!» А этот Миша с утра до вечера в футбол играл и даже гамму сыграть не мог.

– Зато от папы, как я понимаю, ему достался темперамент, упрямство и склонность к ревности.

– Судя по всему, да. Леонид Львович был очень ревнив! Саша мне сам рассказывал, как его папа, будучи сотрудником КГБ, ходил в военной форме с портупеей и гонялся с наганом на боку за его молодой и красивой мамой, ревнуя её чуть ли не к каждому фонарному столбу. И в Саше эта черта характера стала бурно проявляться – особенно с возрастом. Он был очень упорный, даже упёртый. Вообще он многого добился в своей жизни, несмотря на то, что она короткая была, благодаря вот этой своей упёртости. Наметил себе точку и будет туда бить, бить, пока своего не добьётся.

– За вами он настойчиво ухаживал?

– А я и не догадывалась, что он ухаживает за мной! Мы троём дружили, дружили. И в какой-то момент я у подружки спрашиваю: «Почему с нами Сашка всё время ходит?» Он же жил рядом со студией – три минуты ходьбы от дома. А он с нами пять остановок туда, поздно вечером пешком обратно. Какой ему интерес? «А ты не догадываешься?» Вот тут Женя мне и подсказала, что он ходит из-за меня. «Не может

День свадьбы. Март 1966

мы с ними дружили... Да, бывало мы сидели без света и отопления, но зато у нас всегда было очень весело – двери практически не закрывались и всегда полно потрясающе интересных людей. Гоняли чай, пили вино, ночи напролёт вели захватывающие разговоры-споры о поэзии, театре, музыке.

– Говорят, уже в то время Кайдановский мог сорвать репетицию. Просто взять и не прийти!

– Не часто, но такое бывало. Он мог проспать, потому что всю ночь читал. Многие из того, что ему предлагали играть в театре, его категорически не устраивало, и поэтому «ноги не шли». Он готовил себя к тяжёлому труду «с утра до позднего вечера» – это его слова. А ему давали играть типа «кушать подано» и «голос за сценой». Вообще в тот период он просто искал себя. Ходил на кинопробы – пробовался на роли Раскольникова, Алёши Карамазова, Голубкова в фильмах Кулиджанова, Пырьева, Алова и Наумова, но его не утверждали. Саша тяжело переживал первые неудачи в кино... Но я же говорю – он был очень упорный.

– Леонид Филатов вспоминал: «Саша человек был трудный, но невероятный – он мог виртуозно материться, болтать на бандитском жаргоне, а мог всю ночь говорить с тобой о литературе, о вещах, которых здесь не знал ни один специалист...» Для вас он был «тяжёлый» человек?

– Все бы ничего, но со временем Саша стал выпивать и часто ввязываться в драки. Поводом для этого мог быть, например, разговор о поэзии. Я была свидетелем одной страшной потасовки, хотя чаще была очевидцем последствий. Недалеко от Рижского вокзала к нам пристали трое хулиганов. Завязалась драка. Саша сцепился с человеком, который размахивал ножом. Слава богу, быстро приехала милиция. Но шрам на подбородке у него остался на всю жизнь.

– Как на него действовал алкоголь?

– Этого предугадать не мог никто. Он мог начать петь или отказаться петь наотрез. Непредсказуемый! Мог ни с того, ни с сего «взорваться» или заснуть.

– Из Театра Вахтангова его уволили со скандалом. За что конкретно?

– Не знаю, какая была официальная формулировка, но ясно, за что. Он трижды за это время привлекался к суду по пьяному делу. Кто это будет терпеть? Первый раз отделался штрафом. В другой раз они с Ниной Руслановой и ещё одним сокурсником отмечали сданные экзамены в плавучем ресторане недалеко от Каменного моста. Хорошо отметили, сошли на берег. Ночью, в жуткую

метель недалеко от пристани увидели лежащего в кустах пьяного человека – его уже заметало снегом. Сами не очень трезвые, стали приводить его в чувство. В это время мимо проезжал милиционер на мотоцикле с коляской. «Что происходит?» И тут этот мужчина очнулся и начал орать, что они его ограбили. Всех отвезли в отделение. Нину отпустили сразу. А поскольку больше огрызнулся и всех материл Саша Кайдановский, его связали и били по рёбрам ногами. Десять суток он там провёл на нарах. Я чуть с ума не сошла! Хорошо, Нина Русланова приехала меня поддержать, несколько дней жила у нас. Мы с ней даже в одной кровати спали... На восьмые сутки ночью звонок в дверь. Открываю: стоит мужик – весь в наколах. Сиплым голосом говорит: «Я от вашего мужа весточку принёс!» В письме Саша написал, когда его выпустят... А у нас не было ни воды горячей, ни отопления. Только печь каменная, отапливаемая газом, и раковина с холодной водой. Я быстро в сарае корыто нашла – отмывать же его нужно. Вот так и готовилась к встрече. Саша потом рассказывал: «Мы там спали как шпроты, чтоб согреться, через каждые два часа меняясь местами». Но самым страшным был третий случай, когда он реально мог получить тюремный срок.

суток. Потом звонок: он в Бологом, в кутузке... Виной всему проклятая спонтанность, которую он в себе культивировал. Хочется ударить – ударь! Обидно тебе? Дай по морде! Плюс алкоголь. Всё это в конечном итоге и свело его в могилу.

Малявина резала себе вены

– В 1975-м вы официально разошлись. Совместная жизнь стала совсем невыносима?

– Саша снялся в нескольких хороших фильмах, его стали узнавать на улице. У него стали появляться подруги. И не со всеми женщинами отношения были платоническими. Сначала их было немного, и Саша мне о них рассказывал – он в этом плане был человек очень открытый. А потом в его жизни появилась Валя Малявина...

Не каждая жена это выдержит.

– Малявина к тому времени была на пике славы – сыграла медсестру Машу в «Ивановом детстве», Принцессу в «Короле-олене»...

– Как актриса мне Валя очень нравилась – очень красивая, загадочная, роковая... Но в наш дом она вошла как друг семьи. Осыпала

Незадолго до свадьбы мы с друзьями отдыхаем на Азовском море.

Внизу: На этом снимке я развешиваю рекламу спектакля, в котором блестяще играл начинающий актёр Александр Кайдановский. Середина 1960-х

– На него завели уголовное дело?

– Да! 1970 год. Владимир Самойлов, Юра Яковлев и Саша отмечали в ночном ресторане окончание съёмки фильма «Драма на охоте» по Чехову – с Сашей в одной из главных ролей. Там в какой-то момент ему надо было выйти по нужде. Он пошёл и заблудился, попал в какую-то кочегарку, сам толком ничего не помнил. А там кочегар... И якобы Саша его ударил. Этот человек оказался ветераном войны... Не посадили только благодаря Михаилу Ульянову и тому, что я была на седьмом месяце беременности. Я была на суде. Ульянов такую яркую речь произнёс в защиту Саши – там все были потрясены. Дали два года условно, но предупредили: если что-то опять натворит – тогда ещё и добавят. Думаете, это как-то на него повлияло? Вообще никак! Вся милиция от Москвы до Ленинграда его знала. Саша поехал на съёмки в Питер и завтра должен вернуться, а его нет трое

меня комплиментами, восхищалась: «Какая у вас красивая дочка! Какая ты счастливая!» А закончилось тем, что она к нам в окно лазила – ночью! Мы спим, стучит в стекло, открывает шпингалет форточки... И ей плевать, что лезет к женатому мужчине!

– И как объяснила срочность визита?

– Я объяснения не слышала. Саша подошёл ко мне: «Это Валя. Я сейчас приду...» Ушёл и с концами... Ну эта Малявина, конечно, не дай бог! У неё была такая фишка – придумывать испытания для своих возлюбленных.

– В каком смысле «испытания»?

– Говорила: «Любишь меня? А что ты ради этого сделаешь? Можешь руку разрезать пополам? А я могу!» Хватя нож, и – лезвием по руке. Кровь фонтаном, все в шоке, а она – хохочет. А сколько было случаев, когда Валю снимали с балкона пятого этажа... Всех убеж-

дала, что сейчас возьмёт и прыгнет вниз. Провокаторша! Ей было интересно, на что способна сама и окружающие в экстремальных ситуациях сознания. Она же и с Сашей такой номер проделывала прямо в нашей квартире. Приезжаю из Ростова, а у нас все стены в крови. Потом оказалось – это Валя «гостила». Вот что у них там произошло в тот день, когда погиб актёр Стас Ждандько?

– Речь о 13 апреля 1978 года, когда 24-летний актёр Станислав Ждандько, по словам Малявиной, сам себя зарезал кухонным ножом?

– Да! Дело квалифицировали как самоубийство, и только через несколько лет Валю приговорили к девяти годам лишения свободы – за убийство... Ну как парень мог себя сам резать? Никто этого толком не знает, потому что все они были вдрабадан пьяные. Саша же тоже в этот день там был. Их было

четверо – Саша, Витя Проскурин, Валя и Жданык. Саша и Витя потом ушли, они остались вдвоём... Конечно, очень-очень странная она женщина! Когда всё случилось, первый, кому стала звонить Валя, – Саша. «Приезжай! Что делать не знаю!» Саша поехал.

– Он что считал по поводу «самоубийства»?

– У меня была своя версия. Вернее, даже не знаю, моя это версия или его, или одна на двоих. Думаю, что она вполне могла устроить такую суровую проверку на любовь и верность этому Стасу. А он молодой, темпераментный был. Ещё если честно, я сомневаюсь, что они пили только алкоголь – не удивлюсь, если она туда что-нибудь подмешивала... Короче, я ему прощала, прощала, а потом уже сил больше не было. И наша семья перестала существовать.

– То есть из-за его романа с Малявиной?

– У него же не один роман был. Появилась Женя Симонова. И потом Саша становился другим человеком. Постоянно стал попадать в какие-то экстремальные ситуации, стал циничным, чужим. В тот момент я поняла, что всё равно это когда-нибудь произойдёт. Но даже после того как было принято решение, мы ещё несколько лет встречались, жили вместе, расставались...

– Разве он не понимал, что рушит семью, отношения с дочерью?

– Вы такие слова говорите! Для него семья не была какой-то ценностью. По-моему, он вообще об этом серьёзно не задумывался.

– А вы как пережили развод?

– Очень тяжело. Не только потому, что дочь без отца, но и потому что чувства остались... Из вахтанговского общежития нас с Дашей выселили в три дня – просто выгнали на улицу. А я как раз в это время поступила в Университет на психфак. Что делать? Бросать? Знаете, в тот период на меня все это обрушилось и придавило так, что я не могла понять: я живу или меня уже нет. Слава Богу, взяла себя в руки. Перевелась на вечерний, ушла с головой в работу. Закончила МГУ и вернулась в Ростов. С тех пор преподаю в нашем университете – доцент кафедры психофизиологии и психологии развития.

– Не могу не спросить вас как профессионального психолога. Вам не кажется, что многие поступки Александра Кайдановского, скажем так, не совсем адекватны?

– Саша – ярко выраженная эгоцентрическая натура, сконцентрированная на себе и своих увлечениях. Он был совершенно искренне уверен: то, что интересно ему, интересно всем. Так оно и было на самом деле – вокруг него собирались только те, кто разделял его пристрастия. А в плане психики он был совершенно нормальный, адекватный.

– Вы больше замуж не выходили. Все мужчины в сравнении с Кайдановским были неинтересны?

– Нельзя сказать, что в сравнении с ним все меркли, потому что в жизни порой встречаешь таких супермужчин, до которых Саше далеко. Он совсем другой просто. Он вообще не стремился быть мужчиной в прямом смысле слова. «Быть самим собой!» – вот для него главное. А замуж? Мне несколько раз предлагали, но я всегда находила причину. Один звал на Дальний Восток. И что я буду делать на Камчатке? Никакого желания ехать на край света у меня никогда не было.

– Может, просто не случилось больше настоящей любви?

– Если любовью называть такое состояние, когда всё равно – на край света или в пекло какое-нибудь голову засунуть, то такой любви у меня не было. Потому что всегда принимала решения головой, не чувствами. А у Саши такие состояния бывали, особенно в нетрезвом виде.

– Как сложилась судьба старшей дочери Кайдановского?

– Даша занималась музыкой, училась даже в консерватории. Но так и недоучилась. Оказалось, что у неё фобия – она пани-

Молодые, влюблённые и счастливые. Вся жизнь впереди! Лето, 1965

чески боялась участвовать в концертах. Потом поступила на биофак и тоже бросила. Но она не просто домохозяйка. Недавно вступила в ассоциацию ремесленников и мастеров Дона. Делает эксклюзивные женские и детские украшения – бусы, серьги – из полимерной глины. Каждая вещь в одном экземпляре. Можно заказать через Интернет. Кстати, Дашин сын Славик внешне очень похож на Сашу.

– Это правда, что Даша пробовалась в

С дочерью Дашей в городском парке Ростова-на-Дону. 1973

«Сталкер» на роль Мартышки?

– Саша очень хотел, чтобы она снялась, поэтому специально приехал за Дашей в

Ростов, потом привёз обратно. Дочь мне рассказывала, что они ходили в гости к Тарковскому, общались, а потом были пробы. Но её не взяли.

– Почему?

– Даша не виновата. Там эта девочка, дочь Сталкера, ни одного слова не произносит. Её сажают на плечи и носят. А Даше уже было восемь лет, она была слишком высокая для своего возраста. Взяли девочку помладше.

– Многие друзья вспоминают, что Кайдановский якобы недолюбливал Андрея Тарковского. Было за что?

– У него было сложное отношение к

Тарковскому. С одной стороны, он уважал его как режиссёра, а с другой, как он говорил, ему было больно, что тот не щадит актёров. «Железный» режиссёр! Кстати, именно после «Сталкера» Саша сказал, что ему «играть больше некого» и сам ушёл в режиссуру. Я думаю, что он вообще не играл никаких ролей. Помню, как он однажды рассказал о своём разговоре с Анатолием Солоницыным, с которым они подружись на съёмках «Сталкера», мол, между ними зашёл разговор о системе Станиславского. Система предполагает, что актёр в работе над ролью должен найти в ней некое зерно. И Солоницын сказал: «Что я, петух, что ли, зерно клевать?» Саше очень понравилась эта фраза... Вообще же я считаю, что Сталкер – лучшая роль Кайдановского в кино. Я об этом знала заранее, когда только прочла сценарий

– Отец Кайдановского умер 1 декабря, в 49 лет, мама – 2 декабря, сам Александр Леонидович – тоже ровно в 49 лет – 3 декабря... Вам не кажется, что мистика какая-то?

– Если вы про «рок семьи Кайдановского», то я в это не верю! Да, так совпало, что умерли все подряд – в первых числах декабря. Но Вера Александровна скончалась не в 49 лет, как писали многие журналисты, ей было за 60. Да, все трое – от инфаркта. Наследственная предрасположенность была – большое сердце! У Саши же не один был инфаркт. Три! Его несколько раз укладывали в больницы, но он убежал из больниц прямо в пижаме. Как мальчишка себя вёл... Демонстративно не хотел лечиться, много курил – не щадил себя совершенно. Кстати и Сашин сводный брат Миша умер очень рано – в 2000-м году, в 34 года.

– Тоже сердце?

– Нет. Я всех подробностей не знаю, но скончался он в психиатрической больнице. Очень странная история! Вдруг часто стал болеть... Потом ноги перестали ходить. Палочка, затем костыли... Добрейшей души был человек! А Сашу последний раз я видела в 1990-м – на похоронах его мамы.

– Как вы узнали о его смерти?

– Мне позвонили друзья, мы с Дашей выехали в тот же день... Мы его отпевали в церкви, дома, причём по-христиански. И до кладбища я его довезла, была на поминках в ресторане Дома актёра.

– Пять лет тянулась тяжба по поводу наследства Кайдановского. Чем она завершилась?

– Это из тех историй, которые я вообще не хочу вспоминать... А ведь ещё не прошло девяти дней со дня смерти, как последняя молодая супруга Инна Пиверс вывезла все его вещи до последней бумажки в двухкомнатную квартиру, которую незадолго до смерти успел купить Саша, но так туда сам и не переехал. Свою квартиру она продала и с этих денег, как она считает, расплатилась с наследниками, выплатив по пять тысяч долларов каждому.

– Вы же сами сказали, что он был абсолютно безытнотный человек, бесребреник. Что же в его наследии было такого ценного?

– Самой большой ценностью может быть, например, фотография. Или картина, которую нарисовал Саша. Знаю, что у него была огромная, великолепно подобранная библиотека, его собственные картины... Кроме того, Саша коллекционировал иконы. Это и есть наследство, овеществленный мир, в котором он жил.

– У вас что-нибудь осталось на память из этого «мира»?

– Только вот эта пепельница ручной работы из его дома. (Показывает.) Несколько писем и фотографий. Всё!

– Этим летом Кайдановскому могло бы исполниться 70. Вы представляете его 70-летним?

– При его внутренних установках – нет. Мы часто говорили с ним на тему жизни и смерти. Саша на полном серьёзе считал, что наивысший пик у творческих людей наступает после тридцати лет и к сорока годам всё уже заканчивается. Поэтому не мыслил себя старым, даже, может быть, бессознательно сопротивлялся долголетию и за жизнь не цеплялся. Он за пик творчества цеплялся. И на свой пик он забрался. ■

ПУТЬ К «ОБЫКНОВЕННОМУ ЧУДУ» НАЧИНАЛСЯ С «РАЗГРОМА»

Юрий ПАНКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

ГЛАВНЫЙ РЕЖИССЕР «ЛЕНКОМА» МАРК ЗАХАРОВ — О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

28 сентября исполнилось бы 86 лет патриарху русского театра – режиссеру Марку Захарову. Несмотря на почтенный возраст мэтра, над сценой легендарного «Ленкома», с которым он связан свыше 40 лет, всегда витали молодежный дух и вечное ощущение предстоящего сюрприза.

Интервью 2015 года.

В своем обращении к читателям книги «Автограф века» вы когда-то написали: «Мой девиз – «фантастический реализм». Это придумал не я, а Е.Б. Вахтангов, его авторитет для меня – абсолютная величина». Этот термин еще до Вахтангова использовали Достоевский, Ницше. В какой момент вы поняли, что это ваш метод?

– Нет, это, конечно, не «мой метод» в прямом смысле слова. И вообще к любым темам, если о них очень серьезно и долго говорить, у меня возникает некое ироническое отношение. Я начал путь в этом театре давно. И первое время сам злоупотреблял термином, принадлежащим Вахтангову. Помню, когда очередной раз на сцене что-то очень сильно грохотало, шел дым, звенело разбитое стекло, ко мне подошел Леонов и сказал как-то особенно доверительно, на ухо: «Маркуша, вот это и есть фантастический реализм?» После этого я поубавил внешние эффекты. В общем, я понимаю, что удивлять надо именно правдой. По Станиславскому. Талантливой правдой актерского существования.

– Именно это и помогло вам в 1970-х и 1980-х годах создать авторский театр, не

**Вверху: на съемках телефильма «Пир во время чумы». 1975 год.
Слева: в роли Остапа Бендера. Спектакль «Двенадцать стульев» на сцене Московского театра миниатюр. Середина 1960-х годов**

входя в конфликт с классическим соцреализмом?

– Мне, наверное, помогли многие обстоятельства. «Ленком» в то время сам по себе находился в очень тяжелом положении. Сюда не ходили зрители. А начиная с 1974 года, после спектакля «Тиль», у нас начались аншлаги. На что я опирался? Мне были противны и несимпатичны многие нормы нашей идеологии, некоторые постановления партии и правительства. И в своих спектаклях в разной мере и по-разному мы этому противились и говорили свое слово. Иногда осторожно, иногда резко, иногда завуалированно. Но всегда эта правда достигала своей цели.

«ПОЙДЕШЬ В ГОРКОМ – ПОМОЙ ШЕЮ!»

– Как в те годы назначали руководителя театра? Позвонили, вызвали?

– Я работал в Театре сатиры, куда в середине 1960-х попал с легкой руки Валентина Николаевича Плучека. И в один момент мне сказали: решай – можешь так и дальше работать, но можешь стать во главе другого театра, только для этого ты должен обязательно быть в партии.

Все назначения шли исключительно через горком: главный режиссер являлся номенклатурой Московского городского комитета КПСС. Этим вопросом ведал лично первый секретарь МГК товарищ Гришин. Соответственно, он и утвердил меня в 1973-м на заседании бюро горкома.

– А членом партии вы когда стали?

– В том же году, но, естественно, до назначения... Рекомендации в партию мне дали Татьяна Ивановна Пельтцер и директор Театра сатиры Александр Петрович Левинский. Когда я собирался на заседание бюро, мне добрые люди сказали: «Пойдешь в горком – вот этот яркий галстук сними. Помой шею. Причешись как следует. Будь скромным. Веди себя достойно...»

– Вашу кандидатуру предложил Плучек?

– Нет, Плучек здесь ни при чем. Все кадровые дела и назначения варились в партийных инстанциях. На заседании бюро Гришин сказал: «Мы знаем обо всех ваших ошибках. Надеемся, что теперь вы будете работать без экспериментов». Эту фразу я хорошо запомнил. На это я ответил: «Конечно. Какие же эксперименты в театре!» От меня ждали комсомольской тематики, соответствующей названию театра: «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия»...

– А как же «Лениниана»?

– «Лениниана» появилась гораздо позднее, в перестроечные годы, когда разоблачали советскую государственную конструкцию с помощью пьесы Шатрова. Там Ленин фигурировал как добрый дедушка, и все кругом хотели жить по справедливым ленинским заветам. Единственным разрешенным «злодеем» был Сталин.

– Короче говоря, недоработка вышла со стороны товарища Гришина.

– Нет. При назначении я гарантировал некоторую стабильность в деятельности театра. И в этом отношении я оправдал оказанное мне доверие. Определенный интерес ко мне изначально возник после спектакля «Доходное место», поставленного в Театре сатиры в 1967 году. Но вскоре после премьеры эту постановку запретили за антисоветскую направленность. Хотя

Съемки фильма «Двенадцать стульев»

за 101-й километр, запретили жить в целом ряде городов, притом что работал он скромным школьным военруком.

«НЕ ВИЖУ СМЫСЛА В УЛИЧНЫХ ПРОТЕСТАХ...»

– Вы как-то высказали сожаление, что в годы перестройки позволяли себе излишне смелые выступления, даже публично сожгли партбилет. Сегодня не отказываетесь от этого поступка?

– От этого отказываться полностью нельзя. Просто сегодня я несколько сомневаюсь в отношении формы. Это был эмоциональный шаг. Поступок Ельцина, когда он заявил, что выходит из КПСС, пройдя после этого через весь зал партийного съезда, был и смелее, и достойнее. А лично я тогда, после августа 1991 года, находился в потрясении от того, что, по словам Назарбаева, в поддержку ГКЧП выступили все руководители райкомов, горкомов и обкомов партии. Вся номенклатура поддержала, из всех наших послов против путчистов выступил один единственный – Борис Панкин, тогдашний посол в Чехословакии.

– Сегодняшняя обстановка в стране вам ничем не напоминает предгрозовую?

– Я чувствую, что я не художник-единичник, что за мной – большой коллектив государственного театра. Скажем, в 1968 году, когда ввели советские танки в Чехословакию, я завидовал людям, которые имели смелость и безрассудную храбрость выйти на Красную площадь и протестовать. Но сегодня выйти на улицу, чтобы протестовать против чего-то, я лично не готов.

– Ну зачем же на улицу? Для вас открыта любая трибуна.

– Когда-то я пользовался этим, писал в газеты какие-то заметки. Они касались уничтоженных названий улиц, городов, выноса тела Ленина из Мавзолея... Потом планка критики поднялась слишком высоко. И я стал понимать: этой критике надо себя отдать целиком и уже не театром заниматься, а идти и бороться за какую-то иную государственную систему.

– Другими словами, это не ваша война.

– Да и войны я пока не вижу у нас. Хотя такие очаги возникают, и я целиком симпатизирую отдельным смельчакам. Но послать сейчас телеграмму на имя президента: дескать, я как руководитель «Ленкома» категорически не согласен с тем-то и тем-то... Нет, к такой форме протеста я не готов.

все понимали, что и спектакль поставлен хорошо и артисты хорошо играют. Потом я поставил спектакль «Банкет» по Арканову и Горину, и он тоже был запрещен. Вот тогда Андрей Александрович Гончаров пригласил меня в Театр имени Маяковского, предложив поставить «Разгром» по роману Фадеева. Я эту работу сделал, но «Разгром» тоже решили запретить...

Как мне потом рассказывал знаток театрального закулисья Виталий Вульф, старейшая актриса Театра Маяковского Мария Бабанова позвонила Ангелине Степановой, вдове Фадеева, и сказала, что есть молодой способный режиссер, спектакль которого – вы только представьте, по роману «Разгром»! – запрещают. Вдова возмутилась: Фадеева запрещать?! Позвонила по «вертушке» Суслову, и тот лично пришел в театр смотреть спектакль. Суслов произвел странное впечатление – он был нелепо одет, на ногах галоши – и вызвал у меня некоторые комедийные ощущения.

Но на самом деле в тот момент решалась моя судьба. В конце спектакля он вдруг заплотировал, а через два дня в «Правде» появилась статья о «большом идейно-художественном успехе» спектакля «Разгром» в Театре Маяковского. Так Суслов меня как бы реабилитировал и дал дальнейшую дорогу.

СМЕРТЬ СТАЛИНА ПОТРЯСЛА И ВОЗМУТИЛА

– Любопытно: Юрию Любимову помогал Андропов, вам – Суслов...

– Я вам больше скажу. До нас было поколение, которому помогал Сталин. Но это другой разговор.

– В мемуарах вы пишете, что ваш папа был арестован в 1934 году по 58-й статье. В чем конкретно обвиняли?

– Он давал мне читать документы, но я уже не помню. Какая-то очень короткая формулировка была. Кажется, отца обвиняли в связях с человеком, к которому ОГПУ имело какие-то претензии...

– Когда вы учились на втором курсе ГИТИСа, Сталин умер. Каким вы запомнили этот день?

– Я его запомнил главным образом в связи с тем, что сам прорывался к гробу с телом вождя, чтобы увидеть и проститься. Несмотря на судьбы отца и матери, все равно у мамы на глазах были слезы. К смерти Сталина я не мог быть равнодушен. Я помню похоронные дни 1953 года и свое желание во что бы то ни стало прорваться и обязательно увидеть Сталина в гробу. Первый день был самый страшный – давка на Трубной площади. Но Господь меня спас. Правда, пройти я сумел только на второй день.

Я вообще всегда мало конфликтовал. Я был веселым человеком, но достаточно пассивным. А тут, на похоронах, вдруг обнару-

жил в себе очень странное внутреннее настроение. Представляете: путь толпы, рвавшейся последний раз увидеть Сталина, был огорожен милициейскими автомобилями, грузовиками, оцеплением, солдатами. Плотная, многочасовая давка. Общее горе, но оно постоянно накрывается волнами раздражения. И вот если бы в той обстановке кто-то вложил мне в руку булыжник, я бы метнул. Куда-нибудь. Неважно. Так бывает – одно недовольство, второе, третье... А потом рождается воля толпы.

Это страшное дело. Толпа очень быстро поддается такому инстинкту. И тут во главе толпы очень часто появляются не совсем адекватные, можно сказать, нездоровые, но с сильной нервной системой люди.

– Узнаваемое зрелище...

– И бывает, что именно они начинают верховодить этой толпой. И толпа, состоящая из обычных, нормальных людей, превращается в разрушительную силу. Я понял, что тоже несу в себе какой-то элемент агрессии. Правда, это я не тогда, а потом анализировал...

Так вот, надо было пробираться проулками, подворотнями. Где-то перелезть через цепь грузовиков. Для прохода туда, к очереди, которая двигалась к Колонному залу по Пушкинской улице, теперь Большой Дмитровке, был устроен сложный лабиринт.

Кстати, общение с толпой – сложная нау-

ка. Рассказывают, будто бы Хрущев однажды имел неосторожность выйти на стадион в Ташкенте. И произнес там речь в своей беспардонной развязанной манере. Но стадион – пространство демократическое, с абсолютно другим психологическим и нервным настроем. Хрущев моментально получил оскорбительные крики, дружный свист. Вынужден был ретироваться.

Выступление в замкнутом пространстве имеет свои закономерности. У спектакля или выступления на малой сцене, в комнатном пространстве, на большой сцене и на открытом воздухе – совершенно разная энергетика.

– Двадцатый съезд, надо понимать, вы застали уже в Перми, куда поехали работать по окончании ГИТИСа?

– Знаете, это было тяжелое переживание для всех. Вся страна переживала стресс. Может быть, кроме тех, кто уже хорошо знал ситуацию. Но таких было очень мало. Люди находились в состоянии изумления, шока, разочарования.

– Вы себя причисляли к пострадавшим от Сталина?

– Нет. Я на этом как-то не заикливался. Хотя мне было очень обидно за отца. Он воевал, получил орден Великой Отечественной войны, несколько медалей. А в 1949 году, после «ленинградского дела», когда начались повторные чистки и процессы, отца выслали

БУДУТ НОВЫЕ МИРОНОВЫ И ЯНКОВСКИЕ

– Ситуация в вашем театре уникальна: те артисты, которые новую историю «Ленкома» начинали вместе с вами 40 лет назад, по-прежнему остаются первым эшелоном.

– Есть первый эшелон. Но очень скоро появилось второе поколение. Когда ставили «Женитьбу Фигаро», появился Лазарев-младший. Появились Певцов, Захарова. Потом пришла Мария Миронова, потом Железняк. Немного раньше – Кравченко. Если в нашем переизбыточном информационном обществе сохранять традиции и уметь делать спектакли, на которых зрительный зал полон и спрашивают лишние билетки, то постепенно вырастают новые люди, новые артисты, да и новые зрители. Так рождаются надежда и вера в будущее. Вот, к примеру, тот же Шагин. Конечно, он никогда не заменит для меня лично Андрея Миронова. Но если у него все пойдет хорошо, он станет таким молодым героем, каким был Янковский. Я не верю, что молодежь становится хуже и мы иссякаем по части талантов.

– Однако в актеры прорываются самыми разными путями. Например, в театральных вузах появилось коммерческое образование.

– Изменения огромные произошли, о чем еще Товстоногов предупреждал. Однако если говорить о том, как выпестовать большого актера, тут важно вот что. Театр должен быть многообразен, но ядром культуры должны быть все-таки русские репертуарные театры, которые формируют целые направления, идя по следам Станиславского, Немировича, Вахтангова, Товстоногова и других мастеров. Вахтанговский театр в свое время сформировал почти всех наших киноактеров двадцатого столетия.

Репертуарные театры питают кинематограф, культуру, мировой театр.

Безусловно, должны существовать и антрепризные театры, когда вокруг известного артиста собираются малоизвестные. Все равно все они существуют на том капитале, который заработан в репертуарном театре.

– Бесспорно, советский период, время репертуарного театра – золотой век нашей сцены.

– Дело отнюдь не только в развилке «контрактный – репертуарный». Сегодня люди, которые принимают решения, все-таки начали потихоньку понимать, что театр – это такое учреждение, которое, как симфонический оркестр, не может жить на деньги от продажи билетов. Как не может сама себя содержать, например, библиотека. Это дотационное искусство. Тут или меценаты должны быть, такие Саввы Морозовы, или постоянная помощь государства. Пусть будет принципиальное решение: «зарабатывайте 20% вашего бюджета, а 80 будет докладывать государство – если вы представляете ценность».

– А кто определит эту ценность? Какой-то особенно просвещенный чиновник?

– Это должен быть какой-то авторитетный совет. Я много раз об этом говорил. Совсем недавно – в Пензе, с президентом и с премьер-министром. И со столичным мэром Собяниным. Считаю, что при правительстве – федеральном и муниципальном – должна быть группа людей, имеющая право и смелость рекомендовать тех, на кого стоит обратить внимание и в кого не жалко вкладывать деньги.

Например, бывает так, что последний курс театрального училища – это уже почти сформировавшееся репертуарное творческое сообщество. Раньше, в советское время, это практиковалось – и курс превращался в

театр. Да, их дальнейшая судьба складывалась по-разному. Но тем не менее такие акции предпринимались! И об этом стоит задуматься сегодня.

– Не могут не резать слух разговоры о том, что, мол, у каждого артиста есть цена. В прямом смысле – рыночная цена. Но артист же – не только продукт той или иной театральной школы. Это результат развития страны, культуры, образования, уровня экономических отношений. Где сегодня те факторы, которые позитивно работают на театральную школу?

– А не надо ее разрушать. Не надо вводить новшества, не разобравшись в возможных последствиях. Я понимаю, что имел в виду Юрий Любимов, когда говорил, что контрактная система – хорошее дело. Правильно. Но смотря где! В Москве – да. В Польше – тоже. Не получилось у артиста играть в Кракове – поехал в Варшаву. Разорвал контракт, сел на автомобиль, и уже через час – в другом городе или в другой стране, Европа-то маленькая. А что будет, когда где-нибудь в Вышнем Волочке артисту скажут: спасибо, мы с вами контракт не продлеваем? Куда он поедет?

Мы все рождаемся в неравных условиях: одни более талантливые, другие – менее. Если талант еще обладает мозгами и правильно себя ведет в жизни, то при определенном стечении обстоятельств он может добиться успеха. Вот вы попробуйте ответить на вопрос: чего вы добились сами, а что с вами, так сказать, просто случилось? Разбейте все ваши этапы жизненные на эти две графы: вот тут моя собственная заслуга, а тут – обстоятельства. Тем людям, которые сейчас собираются быть актерами, режиссерами, надо немножко помочь. По-разному. Кому-то надо дать квартиру, кому-то – хорошую роль, кого-то принять при большом конкурсе в театральное училище, а кого-то и отсеять. Это очень слож-

ный, многотрудный процесс.

– Примета текущего момента – появление новых имен, среди которых все чаще встречаются прибалтийские режиссеры. Это случайно?

– Вообще всю нашу театральную и литературную жизнь можно разделить надвое – при СССР и после. Вот был когда-то такой фолиант – «Справочник Союза писателей». И была в связи с этим игра: между страницами наугад закладывали бумажный рубль. Потом открывали и смотрели. Если найдешь на этом развороте фамилию писателя, произведения которого читал, рубль твой, а нет – проиграл. Очень азартная была игра... После того как рухнул железный занавес, мы вошли в конкурентные отношения со всем миром. Вот и прибалты попали в очень сложное положение. Когда был Союз, они имели очень хорошую работу. А теперь остались без нее.

– Как и все.

– Нет. Артистам особенно трудно. С одной стороны, прибалтийские артисты и режиссеры сами тянутся к нам. С другой – там выработалась определенная культура, которая важна и нам. Они всегда развивались под влиянием каких-то ценностей культуры западной. В Прибалтике воспитались артисты, которые очень «пришлись» нашему кинематографу – Банионис, Адомайтис... И вообще они существовали, понимая, что являются частью пусть не очень ими любимого, но очень большого сильного государства. А сейчас они там – артисты и режиссеры крайне маленького пространства. Сложная ситуация.

– Последний вопрос: ждать ли от вас новых фильмов?

– О нет. Мне предлагали снять «Обыкновенное чудо – 2», «Тот самый Мюнхгаузен – 3»... Я не хочу. Время изменилось.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

ПОЛІТИЧНІ, ЕКОНОМІЧНІ, ІСТОРІЧНІ РОЗСЛІДУВАННЯ,
МАТЕРІАЛИ ПРО ДІЯЛЬНІСТЬ СПЕЦСЛУЖБ.
АНАЛІТИЧНИЙ ПІДХІД, СВОБОДА СУДЖЕНЬ, ІНФОРМАТИВНІСТЬ.

**ПЕРЕДПЛАЧУЙТЕ НА 2020 РІК
в будь-якому відділенні Укрпошти**

РЫНОК ЗЕМЛИ
№ 9/344
СЕНТЯБРЬ 2019
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК/УКРАИНА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
РАЗМИНКА ЗАКОНЧИЛАСЬ
ИГРА

КОМПЛЕКТ:
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА" +
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -
УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК"
ИНДЕКС 49542
3 міс. – 65,25 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА»
ИНДЕКС 35257
3 міс. – 37,77 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА. СПЕЦВЫПУСК»
ИНДЕКС 49056
3 міс. – 32,07 грн.

«СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО - УКРАИНА ЛЬГОТНЫЙ»
(Для передплатників попереднього періоду та пенсіонерів)
ИНДЕКС 37104
3 міс. – 35,34 грн.

Передплатити також можна на сайті market.umh.ua або за телефоном (044) 207-97-25

Ф. СП-1

Міністерство транспорту та зв'язку України

АБОНЕМЕНТ на журнал _____ (індекс видання) _____

(найменування видання) _____ Кількість компл. _____

на 2020 рік по місяцях

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куди _____ (поштовий індекс) _____ (адреса)

Кому: _____ (прізвище, ініціали)

Доставка КАРТКА-ДОРУЧЕННЯ

на журнал _____ (індекс видання) _____

(найменування видання) _____

Вартість	передплата	Кількість компл.									
на 2020 рік по місяцях											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

поштовий індекс _____ місто _____ село _____ область _____ район _____ вулиця _____

буд. _____ корп. _____ кв. _____ прізвище, ініціали _____

РУССКАЯ НАРОДНАЯ

Юрий ПАНКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

«Песни и частушки – это вам не инструмент для пропаганды»

В 2012 году в Краснодаре решили поставить памятник великой Людмиле Зыкиной. Тогда же краевой департамент культуры (в лице руководителя – Натальи Пугачёвой) объявил всероссийский конкурс на лучший проект. Поводом для увековечивания памяти о Людмиле Георгиевне (урождённой москвичке) стало то, что она ежегодно по несколько месяцев проводила в Краснодаре, где лечилась, а также работала с композитором Григорием Пономаренко... В планах установки мемориала назывались разные сроки: и конец 2012 года, и начало 2013-го, и середина 2014-го. Параллельно велась работа по поиску источников финансирования и сбору «графических материалов с пояснительными текстами», один из которых жюри департамента культуры должно было объявить достойным воплощения.

Увы, ничего из этого не сбылось. В результате административной реформы весной этого года руководитель департамента культуры края был смещён. Во вновь созданном министерстве культуры желающих обсуждать строительство памятника нет.

Таким образом, кроме скульптуры на Новодевичьем кладбище, где похоронена певица, никаких других монументов в память о ней не существует. Имя певицы, считающейся символом русской песни, к настоящему моменту остаётся лишь в памяти народной. Правда, гастролитрует ещё по стране ансамбль «Россия», носящий имя Зыкиной. Однако при общей нынешней «неформатности» русского народного песенного творчества увидеть его выступления по телевидению или услышать по радио невозможно.

Стараясь восполнить пробелы в публикациях последних лет о жизни и творчестве великой Зыкиной, «Совершенно секретно» печатает последнее, ранее не публиковавшееся интервью, которое Юрий Панков записал незадолго до смерти Людмилы Георгиевны в 2009 году.

– Людмила Георгиевна, давайте вспомним... Уже к середине 1970-х смотреть телевизор и слушать радио стало тошно. Куда ни ткнёшь – или Брежнев, или балалайки.

– Конечно, был перебор. Мягко говоря. Но это потому, что музыка, особенно народная, в нашей стране подчас использовалась как инструмент пропаганды. Это не могло остаться без последствий.

– В те годы на эстраде господствовали так называемые «советские песни». Все остальное квалифицировалось как русское народное.

– Нет, не так. Со сцены исполнялись песни, написанные современными композиторами, и песни, почерпнутые из народного творчества. Один и тот же автор, например Утёсов, мог петь «С одесского кичмана», «Наши годы длинные» или же «Легко на сердце» Исаака Дунаевского. Но если первую, вполне народную песню, цензура не жаловала, то вторую, особенно с середины 1970-х, приветствовала, а третья вообще многие десятилетия была едва ли не гимном.

Но ведь надо понимать, что была эстрада официальная, а была и неофициальная. Один репертуар и соответствующие исполнители – для трансляций, другой – для клубов и домов культуры, третий – ресторанам, свадьбам...

– То есть была целая система, определённый подход.

– Не было... Просто менялось время,

менялось и отношение к песням, менялись сами песни. Вот я пою с детства. А во время войны, когда отец ушёл на фронт и иждивенческих карточек нам не хватало, я стала выступать перед сеансами в кинотеатре «Художественный». Что я там пела? То, что публике больше нравилось.

– «Так, значит, завтра, на том же месте, в тот же час...»

– То, что сегодня называют попсой. То есть песни примитивные в отношении музыки, слов и смысла. Я тогда была ребёнком, зато у меня был голос. Знала песни, которые пели в бабушкиной деревне и в нашей семье, но перед посетителями кинотеатра я исполняла то, что требовал администратор. А ещё – частушки.

– Частушки хотелось бы обсудить особо. Если же говорить про бабушкины, то есть народные песни – что это было?

– Обычные песни, которые называются народными только потому, что их автор неизвестен.

– Например?

– «Ах вы сени, мои сени», «Бывали дни весёлые», «Валенки», «Вдоль по Питерской», «Вечерний звон», «Виновата ли я»...

– В энциклопедиях написано: «Русские народные песни подразделяются на песенный эпос (былины, баллады, скоморошины), календарные песни (святочные, масленичные), семейные, обрядовые, трудовые, удалые...»

– Изучением всех этих тонкостей и классификациями серьёзнее, чем кто бы то ни было, занимался Митрофан Ефимович Пятницкий. А вы знаете, как жил и формировался его хор народной песни? Он был создан из народных певцов Воронежской и Рязанской губерний. Пятницкий привозил этих простых людей в Москву, они выступали в зале Благородного собрания, а потом

садились на подводы и – отправлялись восвояси. Но это была настоящая народная песня. Исполнявшаяся фактически теми, кто эти песни складывал

– Наверное, кабацкие песни, городской романс, разнообразный шансон в какой-то степени тоже могут считаться народным творчеством.

– Народными песнями вполне могут считаться и «Шаланды» Никиты Богословского, и «Катюша» Исаковского и Блантера, и много чего ещё. У некоторых уже и авторов забывать стали. Но мы не должны путать два понятия: песня народная – и песня популярная. Песня «Миллион алых роз» Вознесенского тоже любима народом, так же как песни Высоцкого. Грубо говоря: песню «День Победы», на стихи Владимира Харитоновича и музыку Давида Тухманова, поёт вся страна, весь народ. Великая песня – но не народная.

Я вам так скажу. Все русские народные песни сейчас нам практически известны, слова переписаны. Проблем с их, скажем так, идентификацией нет. Если вдруг в Москву приедет из провинции начинающий исполнитель и привезёт с собой что-то новое, неизвестное, это обязательно заметят. Хотя скажу честно: в годы советской власти народным песням уделялось огромное внимание. Изучалось хоровое песенное творчество на уровне и областей, и районов, и деревень. Изучили всё, что поддавалось изучению.

– Но процесс народного творчества не останавливается, он постоянен.

– Безусловно. И есть масса примеров тому, как некоторым народным, тем же казачьим, песням новая жизнь давалась по многу раз. Помните «Любо, братцы, любо»? В основе её сюжета – история сражения донских казаков с ногайцами и татарами. «Как на дикий берег, да на Чёрный Ерик, Выгнали татары сорок тысяч лошадей...». В фильме

Импровизированный концерт во время гастролей по Ставрополю. 1970-е

«Александр Пархоменко» её исполняет Махно, как говорится, по мотивам Гражданской войны. А позже появилась вариация на темы войны Отечественной.

– А ведь ничего про это не известно.

– «Болванкой в танк ударило, / И лопнула броня». И с финалом «И вот нас вызывают / В Особый наш отдел. – Скажи, а почему ты / Вместе с танком не сгорел?»

– Но всё же это какие-то стародавние примеры. А сейчас в народе слагают песни?

– Вы сами-то давно были в деревне? Что, вечерами девки ходят за околицу песни петь или хороводы водить? Всякому творчеству может прийти конец.

– А частушки?

– В принципе это тоже русская народная песня. Только очень короткая. Опять же продукт сельской жизни. Это такая часть фольклора, которая рождена злобой дня. Некоторые наиболее остроумные запоминаются, но в основном они однодневки.

– И просты в смысле исполнения.

– А вот это не так. Дело в том, что на протяжении веков народ пел хором, без всякого музыкального сопровождения. Вот и частушки исполнялись без музыки. Легендарной исполнительнице частушек Марии Мордасовой никаких гармошек и балалаек не требовалось. Представляете, какие здесь требования к голосу! Я уже рассказывала, что исполняла частушки перед киносеансами. Была чётче, и это был единственный аккомпанемент.

– В советскую эпоху частушка приобре-

С Юрием Гагариным. 1961

ла действенную силу общественно-политической агитации.

– Издавались целые сборники «идеологически правильных» частушек. Хотя в натуре их делят на две группы: любовно-бытовые и собственно «общественно-политические». Любовно-бытовые посвящены, как говорится, колхозным будням, героизму задорных девок и непонятливых парней, механизаторам и комбайнёрам. «Общественно-политические» высмеивали жизненные условия.

- И ничего из этого не слышно.
- Какие времена, такие песни.

– Вы как-то анализируете, что сейчас поют?

– Да все эти песни – никакие. «Мы сидели и курили», «Иду, курю»...

Песен должно быть много и разных. Но, например, песен на прекрасные стихи русских поэтов не пишут... Бардовских песен, можно сказать, нет, поскольку и бардов нет настоящих.

– Что всё-таки, по-вашему, значит «настоящая песня»?

– Ценность любого артиста, пусть небольшого, пусть негромкого, как поняла я со временем, – его непохожесть на других, его умение выразить свою собственную индивидуальность. В этом смысл творчества. Мои учителя в хоре Пятницкого, композиторы Владимир Григорьевич Захаров и Пётр Михайлович Казьмин, требовали, чтобы мы, ученики, не только разбирались в сюжете песни, но пытались проникнуть в её смысл, в её содержание, которое складывается на основе единства слова и музыки

– Чего тогда стоит исполнение песен на иностранных языках?

– А это не более чем иллюстрация мелодии и текста. Распадаются внутренние связи песни, нарушается её целостность. Песенное искусство имеет сильнейшее влияние на людей. Может поднимать, воодушевлять, выражая чувства и мечты. А может и наоборот – прививать дурные вкусы, культивировать их, тянуть слушателя назад, в пошлость, цинизм, глупость, идиотизм. Кстати, тот же Захаров осуждал слащавую приторность русской народной песни, дурной вкус иных исполнителей, любителей излишней жестикуляции, подвываний, в которых нет ничего народного, которые только мешают. А ещё придавалось значение чёткой дикции.

Учили не только петь, но и внятно объясняться на родном языке, чувствовать тяжесть, вес слова.

– Что в этом отношении можно сказать про современных певцов?

– Дикция – как почерк. Неразборчивые каракули не будут поняты адресатом, певец с плохой дикцией заставит зал скучать, раздражаться. С другой стороны, певец, который заикается или картавит, вроде бы и не создан для этой профессии. Но такие, как Добрынин, Шуфутинский – как раз пример того, насколько люди серьёзно стараются. А есть такие, которым наплевать: очевидных дефектов речи вроде нет, ну и ладно. А во рту – каша. Ты чего спел-то? Неясно...

Часто вижу, что репертуар певцов содержит песни, которые взаимно исключают друг друга. Вот известный шлягер, а рядом русская народная песня. Этот вопрос важен так же, как в творчестве писателя. Вот Толстой и сатира, по-моему, несовместимы. И в живописи так: не стал бы Айвазовский рисовать карикатуры. Наверное, Ван Клиберна при желании сумеет сыграть «Мурку», но его тема – классика. А у Олега Лундстрема – джаз...

– Ко всему прочему существует то, что называется школа.

– Занимаясь в хоре Пятницкого, я вышла на самый главный мой предмет – курс по истории русской поэзии. И когда через много лет мне захотелось серьёзно заняться старинным русским романсом, я увидела, что романс сам по себе мне знаком, поскольку вызван к жизни русской поэзией. То есть сначала русский язык, потом поэзия, а на её основе – музыка. В итоге – песня, романс.

– Необычный поворот темы: история страны в песнях. Хотя, казалось бы, та жизнь, про которую рассказывается в народных песнях, какая-то сказочная, что ли.

– В народной песне – честные переживания. Да, есть и сказочный, наивный идеализм. Но человек не может без этого, это то, что называется – «от всей души». Может быть, в советские годы пропаганда народной песни была навязчивой. Но не её же в этом вина! Беда в том, что этими песнями старались заткнуть нишу между официальной эстрадой и тем, что пели люди дома на дне рождения. Сейчас там – рок.

– Надо понимать, вы – противница всех этих направлений.

– Отнюдь. Однажды, в 1946-м, я попала в кинотеатр «Ударник». Туда вся молодёжь бегала «на джаз». Представляете, послевоенная Москва. А здесь музыканты – в белых

костюмах. И вот на сцене, без объявления, появляется Капитолина Лазаренко – изящная, в фантастическом платье. Настоящий праздник... В том, что они исполняли и как они это делали, был вкус, чувство меры и, главное, отсутствие театральности. До Цфасмана, простите, им было далеко. Но они в ту сторону и не стремились. Их слушатель был в кинотеатре. И это было на волне, на подъёме. А то, что пошло следом, это уже, как всегда, оказалось копированием, подделкой, превратилось в моду и тут же утратило всякую истинную ценность. Всякие ВИА... Вот это был настоящий маскарад! На сцене, подражая западным группам, топтались исполнители в боярских кафтанах и в ковбойских костюмах. С огромными бакенбардами и гривами, в тёмных очках.

– Так это стилистика как бы Элвиса Пресли и как бы «Битлз». А, кстати, это не фантазии журналистов, что вы с ними встречались?

– С «Битлз»? Нет, не фантазия. Я встречалась с ними в Лос-Анджелесе, они мне ещё серебряный крестик подарили, чтобы удачу приносил... Но сейчас речь не о том. Вот, помню, был такой ВИА «Добры молодцы». С ними ещё сотрудничал какое-то время Юрий Антонов. Модное исполнение, модный инструментальный состав, модные песни, модные по тем временам неухаженные причёски, и всё это – под оглушительный грохот электроинструментов. Я специально сходил на «Молодцев». Они целый час пели «Утушку», «Выходили красны девицы»... Это было ужасно. Пошлое подыгрывание и приплясывание. Стараниями разных популяризаторов, вроде Александра Броневникова, темповые русские песни стали всё чаще превращать в развязные, а задушевные – в сентиментальные

– Муж Эдиты Пьехи.

– Они были убеждены, что русская народная музыка устарела. И, чтобы привлечь к ней интерес молодёжи, следует, дескать, на эстраде подавать её «в современной обработке». Это как современные архитекторы, застраивая Москву безвкусными сооружениями, лишают город уникального исторического образа. «Но ведь нашу музыку любят слушатели», – отвечают мне. «Нравится» – не критерий. В работе «Что такое искусство?» Толстой пишет, что дурные вкусы могут прививаться и пользоваться очень широким спросом, подобно алкоголю и табаку. Тем более если это всё ещё и деньги приносит! – добавлю я.

И ещё такой момент. Пусть со мной поспорят, но совершенно недопустимо, ког-

да песни, к окончательному оформлению которых причастны десятки, а то и сотни безымянных талантов из народа, становятся как бы собственностью певцов-недоучек и незрелых музыкальных ремесленников. Многовековой труд присваивают бездарь.

– Среди них всё-таки были талантливые коллективы.

– Так были, конечно, и немало! Заработанная, не дешёвая популярность была у «Самоцветов» Юрия Маликова. Грузинский ансамбль «Орэра», азербайджанский квартет «Гая», белорусские «Песняры»...

– Не считаете ли вы, что на фоне национальных конфликтов, которыми полна современная жизнь России, говорить о пропаганде русской народной песни не очень-то...

– Слушайте, страна всегда была многонациональной. И всегда с проблемами. Что с того? Нужно поддерживать и татарскую народную музыку, и удмуртскую, и коми... Вон, пример той же Эстонии, где коренных было меньше половины. Ежегодно в Таллине проводился фестиваль народного творчества. Для этого построили специальное Певческое поле, концертный зал под открытым небом, где лишь на сцене помещалось до трёх тысяч исполнителей! Только представьте себе выступление гигантского сводного хора со всей республики, за которым в течение нескольких часов следят не менее 100 тысяч зрителей. В репертуаре – исключительно народные песни. Такое единение хористов и зрителей и создаёт непередаваемую обстановку праздника, когда все его участники исполнены гордости за своё национальное искусство. И это в республике, где всё население-то не превышало полутора миллионов.

– Видимо, это всё же особый случай. Малые народы, как правило, больше остальных беспокоятся о сохранности своего национального. Что до Эстонии, то эту линию поддерживали и в ЦК эстонской Компартии, и на союзном уровне.

– О том и речь. Вы сами сказали: поддерживали. А если бы махнули рукой, ничего бы не было. Прежде основная ответственность за пропаганду русской музыки и песни ложилась на клубы и дома культуры. Именно эти учреждения должны по-пуляризировать.

– Но сейчас эти заведения закрыты или перепрофилированы. И вообще, на культуру отпускается мизерная доля бюджета. А там и театры, и музеи, и библиотеки.

– Клуб всегда был в стране главным культурно-просветительским учреждением, именно клуб!

– Даже слова эти забылись.

– Не всем по театрам ходить!

– Напоследок неоригинальный вопрос: ваш любимый писатель?

– Лермонтов.

– Никогда не задумывались о том, что, проживи Михаил Юрьевич подольше, его имя могло значить почти столько же, что и имя Пушкина?

– Нет, о таком я не думала. Они оба мне дороги. А что бы было, если б не дуэль... Кто его знает? Бывает, что сейчас, например, подъём, творческий полёт, а через год – пустота. Вот у меня лично так бывало. Всё пела-пела. По два, по три концерта в день. И вдруг говорю себе: «Всё, я больше не пою. Я пустая. А пустая я на сцену выйти не могу».

– Когда же такое было?

– Когда я молодая была. Лет в сорок.

– Какой-то внутренний кризис?

– Ну конечно. Устала я тогда. Не знала, что такое отдыхать, всё только поездки, поездки. Я проехала 92 страны. Это те страны, что я посчитала, а ещё ведь те, что я не записывала...

– Вы всегда были беспартийной?

– Да. Меня три раза тянули в партию.

– А сейчас тянут в какую-нибудь партию?

– Ну подумайте, как я могу пойти в партию, когда мне столько лет? Зачем? Что я там буду делать? Я и так делаю для родины больше, чем они там в партиях. ■

ИГОРЬ ДМИТРИЕВ

АНШЛАГ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Андрей КОЛОБАЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Он гениально играл обольстителей, мафиози и нищих, но его фирменный «конек» – бароны, графы, генералы и царедворцы. Бывший «член английского Клуба самоубийц», ныне он член питерского отделения просто Английского клуба, член Всемирного клуба петербуржцев. Народный артист России, кавалер орденов Почета и «За заслуги перед Отечеством». Терпеть не может вопросов вроде: «Было ли больно, когда Григорий Мелехов лупил его плеткой в «Тихом Доне?» Или: «Трудно ли было сниматься в 60-градусную жару в Сахаре?» Он оставался один на один со львом, вышедшим из клетки, ползал в компании огромного удава по крыше и прыгал с мачты в Черное море в декабре. И считает, что все это просто работа и не стоит ее героизировать. Но поговорить на любые другие темы – пожалуйста, и с удовольствием.

Интервью 2004 года.

Не мхатовский артист

– Игорь Борисович, что означает ваша фраза: «Театр я полюбил с детства»? С детства мечтали об актерской карьере?

– Не могу сказать, что со школьных лет я мечтал сыграть, например, капитана Немо или д'Артаньяна, но потребность лицедействовать, изображать, смешить и танцевать у меня была всегда. Не из тех я мальчиков, которые играют в хоккей и в казаки-разбойники по подвалам и чердакам... Когда мама уходила на репетиции – она была балериной, в тридцатые годы работала в Ленинградском мюзик-холле под руководством великого балетмейстера Касьяна Голейзовского, – мне нравилось брать ее грим, рисовать себе усы, бакенбарды, надевать театральные костюмы. И импровизировать... Это были именно импровизации на какие-то героические, романтические сюжеты, но без всякой литературной основы, без текстов и монологов. Помню, из «ценного» реквизита у меня была шпага – настоящая, французская. В 1941 году моя бабушка вместе с мамой, перепуганные войной и запретом на хранение дома любого вида оружия, разломали ее и закопали где-то во дворе.

– Как мама относилась к вашим увлечениям?

– Она не подталкивала, но и не запрещала. А вот бабушка... Бывало, когда я учился во вторую смену, скручивала полотенце и с криком: «Одевайся – в школу пора» бегала за мной по длинному коридору нашей коммунальной квартиры. В детстве я устраивал «кукольные» спектакли: ставил стулья с высокими спинками, накрывал их скатертью, будильником давал звонки к началу представления, созывая всех соседей по квартире... Потом была школьная самостоятельность, хореографическая студия ДК имени Капринова, Ленинградский дворец пионеров, где в ансамбле Исаака Дунаевского я танцевал знаменитую «Тачанку» в постановке Аркадия Обранта. Играли пьесу «Принц и нищий». Я – лорда Гердфорда, а ныне покойный Игорь Горбачев – принца... Во время войны хореографическое учи-

лище вместе с Мариинским театром эвакуировали в Молотов (ныне Пермь). Я учился в восьмом классе. В свободное время выступал в госпиталях, читал раненым Константина Симонова: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...» Потом оборонный завод... Потом бросил школу и поступил в театральную студию при молотовском драмтеатре. Состав педагогов, которые преподавали нам теоретические предметы, – «сливки» театральной России. Стефан Стефанович Мокульский, Сергей Сергеевич Данилов, Алексей Карпович Живелегов. Это были столпы культуры! Занимался там полтора года, а уж затем поехал в Москву – поступать в артисты. Подал заявление сразу в четыре театральных вуза и в два из них прошел по конкурсу. Свой выбор я остановил на школе-студии при МХАТе.

– Вы как-то сказали, что среди ваших сокурсников немногие стали известными актерами...

– На курсе нас училось всего девять. Заводилой была Марина Ковалева. Очень рано умер талантливый Саша Михайлов, который снялся в «Двух капитанах», был хорошим артистом Алеша Покровский, но почему-то он расстался с МХАТом и перешел на песни под гитару... Пожалуй, самым ярким и популярным актером стал Миша Пуговкин. Мы очень дружно жили с ним в общежитии, в комнате без двери и окна. Но по окончании студии во МХАТ меня не позвали

– Почему?

– Потому что посчитали, что я не мхатовский артист. И были правы. А те, кто считался мхатовским, увы, растворились в «театральном молохе».

– Как проводили свободное время студенты вашего поколения?

– Учились. И каждый вечер смотрели великих стариков. В школе Художественного театра была негласная рекомендация «поменьше посещать спектакли других театров», а я как раз шлялся без конца по другим театрам. Да, я смотрел мой любимый мхатовский спектакль «Три сестры» 17 раз, но я пересмотрел и весь репертуар обожаемого мною Камерного театра – мне очень нравилась его театральность, зрелищность, экспрессия, пластика, речь и, конечно, божественная Алиса Коонен. Я ходил в еврейский театр, потому что там бушевали бешеные страсти короля Лира. Любил Вахтанговский.

– Говорят, вы косвенно причастны к тому, что Олег Ефремов поступил в школу-студию МХАТа?

– Он пришел на первый тур, читал «Желание славы» Пушкина, читал замечательно, яростно и всем так понравился, что мы, тогда уже студенты школы-студии, с нетерпением ждали его на второй тур. Но он не пришел. Мы с Толей Вербицким с трудом разыскали его адрес и пришли к нему домой. А он, оказывается, идти в артисты передумал, решил поступать в какой-то техниче-

ский вуз. Долго его переубеждали... А потом все отучились. Я уехал в Ленинград, Олега пригласили в Центральный детский театр – как мы между собой шутили, «иванушек-дурачков играть», Толя был принят во МХАТ. Когда через несколько лет, создав прекрасный театр «Современник», Ефремов перешел в Художественный театр, он начал игнорировать и избегать всех своих бывших однокашников по школе-студии и тех, кто работал в театре до него. В итоге судьба многих из них сложилась печально, а у Толи Вербицкого – просто трагически. Настоящий, потомственный мхатовец, красавец, он проработал там несколько лет, блистательно сыграл в кино Печорина, а в театре не получал ролей. Не выдержал унижений. Однажды закрылся на кухне и открыл газ...

Счастье по билету...

– Итак, во МХАТ вас не взяли...

– Пригласили в Центральный детский театр, но в Ленинграде пропадала наша жилплощадь, пустовавшая всю войну... Пытался поступить в Пушкинский театр, мне устроили пробы, я увлеченно репетировал в пьесе Бернарда Шоу, но... не состоялось. Потом пригласили в театр Комиссаржевской.

Меня приютила семья народного артиста СССР Владимира Ивановича Честнокова и его жены Евгении Владимировны Аскинази. В театральных кругах в Ленинграде это был самый известный дом. Здесь бывали и москвичи Юрий Завадский, Вера Марецкая, Ростислав Плятт, автор оперы «Тихий Дон» композитор Иван Дзержинский с очаровательной женой Женей Каретниковой, художники Александр Тышлер и Натан Альтман с Ириной Щеголевой, светской львицей и необыкновенной красавицей, молодой драматург Саша Володин, режиссеры Кожич, Суслович. Когда они собирались, я сидел в углу на диванчике из красного дерева и впитывал в себя все, что видел и слышал. Там не было разговоров о том, кто купил дачу, какая у кого марка машины. Таких разговоров в домах, в которых, по сути, я вырос и воспитывался, просто быть не могло. Обычно скромное застолье, где на кузнеческой посуде подавались простой винегрет и пироги с капустой и рисом. Помню, Честноков доставал томик «Горя от ума», и они с Виталием Полицеймако читали по ролям: он за Чацкого, Полицеймако – за Фамусова. А вино... Если кто принесет, могли выпить, а нет – было «плодовое» с их дачи. Это было не главное... Где теперь такие люди, где теперь такие актеры? В какой дом может войти молодой актер, чтобы ощутить вкус культуры, искусства, таланта? Может быть, молодые знают, где найти такой дом, – я не знаю...

В театре Комиссаржевской я отслужил семнадцать лет.

– То есть вас не разрывали на части худруки и режиссеры?

– Да, на части не рвали. Правда, храню до сих пор письмо от Михаила Царева с приглашением в Малый театр. Посчастливилось играть в спектакле Товстоногова «Гроза». Но только роль Листницкого в «Тихом Доне» сделала мне всесоюзное имя и определила мою киносудьбу.

– Как вы попали к Герасимову?

– На съемках фильма Григория Козинцева «Белинский», где я играл в массовке, я подружился с двумя его учениками, молодыми режиссерами Стасиком Ростоцким и Вениамином Дорманом. Я в это время уже работал в театре Комиссаржевской, но дружба с ними, личностями очень яркими,

интересными, образованными, чудесно знающими поэзию, многое давала мне. В компании с ними весело гуляли – то на яхтах по Финскому заливу, то на охоту ездили, на медведя. И однажды я позвонил – просто чтобы отметить, мол, я в Москве, а Дорман, которого, как оказалось, Герасимов взял к себе вторым режиссером, вдруг спросил меня: «Ты читал «Тихий Дон»? А знаешь, что там есть роль – Евгений Листницкий? Посмотри-ка и приезжай!» Я бегом в библиотеку... И вот еще до знакомства с Герасимовым я надеваю френч, высокие офицерские сапоги, мне клеят легкие усики и – ведут в кабинет шефа. Там сидели Тамара Макарова, оператор Раппопорт, администратор Кушлянский. Вхожу – подтянутый, в золотых погонах, сапоги блестя. Здравуюсь. Целую руку Тамаре Федоровне, скрывая волнение, и неожиданно для себя с ходу спрашиваю Герасимова: «Сергей Апполинарьевич, у Шолохова описано пенсне Листницкого. Хочу с вами посоветоваться, какое будет лучше, прямоугольное или овальное?» И примеряю оба. Потом Кушлянский рассказывал: «Ты так спросил про пенсне, как будто все остальное уже решено и то, что сниматься будешь ты, – сомнений нет». Все! Вот эти два нюанса – вопрос на уровне профессии и... поцелуй руки Тамары Макаровой (которая, кстати, когда-то танцевала вместе с моей мамой) – разом перевернули всю мою жизнь. Кто-то мне тогда сказал: «Игорь, ты выиграл 200 тысяч по трамвайному билету». Получить роль у Герасимова в шолоховской картине, не будучи его учеником, действительно было равносильно безумному выигрышу.

– Говорят, отрабатывая офицерскую выправку, вы носили стаканы с водой на плечах и побили кучу посуды. И что лихо научились скакать верхом под началом своего деда, служившего в царской кавалерии.

– Побил немного – вовремя перешел на пластмассовые. И насчет «лихо скакать» тоже не совсем так. Мне было лет пять, когда дед привел меня на угол Инженерной и Садовой, где стояла его кавалерийская часть. Вывели лошадей, он посадил меня на одну, и по внутреннему дворику я сделал первые шаги в седле под присмотром деда... Перед «Тихим Доном» была уже настоящая школа верховой езды – мы два месяца занимались в Москве.

В «красные» лицом не вышел

– После роли Листницкого посыпались предложения...

– Следующая роль в «Поднятой целине»

– тоже поручик, Лятевский, одноглазый. И после – «Пароль не нужен», «Даурия» и так далее – тоже офицеры. Но роли разные, даже внешне – то сглазом, то без... (Смеется.)

– За эти роли, как ни сыграй, не светили ни Сталинские премии, ни звания.

– В то время, даже если в каком-нибудь провинциальном театре шел спектакль и там была роль Ленина, актер, ее игравший, был обречен на получение звания заслуженного артиста, ордера на квартиру и добавки к жалованью в сто рублей. Он был обречен! И, конечно, актеры, играющие отрицательные роли, тоже по-своему были обречены. Но для меня в тот момент важнее было само участие, общение с таким режиссером, как Герасимов.

– Вас не приглашали на роль Ленина?

– Зачем? Из 120 картин, в которых я снимался, партийных ролей у меня было всего две – Бонч-Бруевич в картине «Доверие» и секретарь парткома Артюшкин в «Обратной связи». Причем последний был задуман, разумеется, как герой положительный, но не без иронии. Режиссер Трегубович не очень любил Советскую власть за раскулаченных и расстрелянных в Сибири родных и специально пригласил на эту роль меня. Он понимал, что в силу индивидуальности я обязательно использую весь свой арсенал юмора и скрытой иронии, то, что называется «умный не скажет, дурак не поймет». И оказался прав! На премьере в Доме кино – я сейчас не помню, на какое мое слово или фразу или на какой-то жест, – были смех и аплодисменты.

– Как удавалось, играя «классовых врагов», не повторяться?

– Завет Станиславского. Играя злого, найди, где он добр. Даже в «Даурии», играя жестокого карателя есаула Соломонова, я думал о том, что у него есть своя житейская правда, своя любовь, свои дети, мать, человеческие чувства. Я никогда не играл схему. Даже если у моего героя не было положительных фраз, сцен или эмоций, я пытался найти какую-то очеловечивающую деталь. Условно говоря, отдавая приказ о расстреле, можно понюхать красивые цветы или порадоваться закату

– У вас были трения с режимом из-за дворянского происхождения?

– Из-за происхождения не было, потому что раньше я писал в анкетах, что я «из крепостных». Теперь пишу «из дворян». И то, и другое – чистейшая правда, ведь мои предки – плод любви крепостной Авдотьи Емельяновны Демиденко и сына дворянки, Анны Павловны Шерер, Адама Христиановича. В тридцатые – сороковые годы гордиться дворянским происхождением не рекомендовалось, и мое поколение в этом смысле было не особо болтливо, если вспомнить 37-й год. Второй муж моей мамы погиб в лагерях, маму тоже арестовали... Мне этого никогда не припоминали. Но страх оставался на десятилетия. Помню, в 1968 году в составе делегации Комитета защиты мира я оказался в Китае в разгар культурной революции. Ничего не было понятно, что это такое. Я видел казни, идущих по улицам пожилых арестованных интеллигентного вида с большими камнями на шее, видел, как бьют женщин за то, что у них длинные волосы... Целыми днями шли демонстрации с тысячами портретов Мао... На площади в Пекине, как черные змеи, лежали сотни отрезанных девичьих кос. На каждом этаже в шанхайской гостинице стояли стенды, на них цитатники Мао, брошюры о культурной революции. На русском этаже – на русском языке, на других – на английском и так далее. Но наши

сопровождающие брать ничего не разрешали. Мне хотелось узнать, что же в Китае происходит, и я взял несколько брошюр с цитатами Мао. Когда поезд с делегацией подходил к китайско-советской границе, по радио сообщили: все, что было запрещено, пожалуйста, сдайте... От осознания того, что это будет моя последняя поездка за рубеж, меня охватил ужас. Я решил избавиться от этих брошюр. Но как? Выбросить в окно? Нельзя, потому что вот уже граница и, увидев летящие бумаги, наверняка вычислят, из какого окна их выбросили. Я иду в туалет (эти помещения в вагоне очень большие), рву на мелкие кусочки цитатники, бросаю их в унитаз, нажимаю на педаль, и... все эти бумажки фонтаном вздымаются от ветра и разлетаются по всему туалету, забиваются в щели, прячутся за трубы... Вот уже граница, а я в ужасе ползаю по полу, собираю, а они опять взлетают... Что вы – трагедия! Слава Богу, обошлось...

Был в бане и смылился

– Михаил Пуговкин рассказывал, что знаменитый танец «втустепь» для «Свадьбы в Малиновке» он репетировал два с половиной месяца. Вы тоже во многих фильмах танцуете и даже поете...

– Я не обладаю особенными вокальными данными, но танцую с детства. В картине «Зеленая карета» я придумал такой трюк: в одной из сцен мой герой, актер Николай Дюр, в ответ на какую-то реплику тростью сбивает с головы свой цилиндр, ловит его на ногу и потом ногой же возвращает его на голову. Вот это – два месяца пота! Каждый день! Но ужас был в том, что дома это уже получалось всегда, а на съемке шесть дублей – цилиндр на полу. Мой большой друг режиссер Ян Борисович Фрид сердился: «Игорь, мы больше не можем тратить пленку!» Мне было так обидно, что я взмолился: «Еще один дубль!» Получилось! Было снято и вошло в картину...

– Вы капризный актер в плане выбора ролей и режиссеров?

– У меня было только три «громких» случая отказа от роли. Один – у режиссера, у которой я уже снимался в трех картинах. Она предложила мне роль, но в первый съемочный день мне вдруг показалось, что все это настолько вторично, я уже такое играл... Я написал письмо замечательной женщине Надежде Николаевне Кошеверовой с глубочайшими извинениями. Несколько раз отказывался сразу, потому что мне не нравились сценарии. А еще был случай, когда мне понравился сценарий... Это было в Киеве, на студии Довженко, роль очень хорошая, но кто-то из наших актеров сказал мне: «Игорь, да ты что, с ума сошел – сниматься у этого режиссера! Он же жлоб и бандит!» Через несколько дней звонок из Киева, и я сообщаю свои свободные дни. Договорились. И вдруг получаю хамскую телеграмму от этого режиссера с требованием отменить спектакль в театре и немедленно прилететь на съемки. Я понял, что с ним лучше не начинать. Был еще случай. Я начал работу в одной картине. Первая сцена в бане – мы все парились, выбегали на мороз, прыгали в снег. Все это снимали в Москве, на территории какой-то воинской части. После съемок, чтобы не простудиться, я выпил стакан водки и захмелел... А режиссер, оказывается, договорился, что после съемки мы выступим в клубе этой воинской части с концертом, в благодарность за баню. Я отказался, и мы с Калягиным уехали по домам. Несмотря на то что режиссер был Виктор Трегубович был мой близкий друг, он дал на «Ленфильм» телеграмму: «В связи с непрофессиональным отношением...» Короче, он отстранил меня. И в картине вышло так: я моюсь в бане, а потом мой персонаж куда-то растреворился, смылился

Подарок Судьбы

– Вопрос самый банальный – ваша любимая кинороль.

– Роли – как влюбленности. Ты увлечен и ты счастлив, если это взаимно. Жизнь кажется прекрасной... Проходит время, и ты встречаешь другую... роль, другую любовь и вновь теряешь голову... Хотя,

конечно, есть «этапы большого пути». Есть фильмы, которые определили мою актерскую судьбу. Не будь их, ничего бы не было. Такими в моей карьере я могу назвать и «Поднятую целину» режиссера Иванова, и «Гамлета» Козинцева. Другой пласт ролей – «Зеленая карета», «Летучая мышь», «Собака на сене» – иной жанр, музыкальный, эксцентрика, юмор, ирония. Потом идут «Приключения принца Флоризеля». Каждая из картин имеет свою биографию, и я не могу выделить ни одну. А «Гамлет» со Смоктуновским и четыре картины с Олегом Далем – просто подарок судьбы.

Но со Смоктуновским и Далем надо было уху держать остро.

– В каком смысле?

– Оба очень любили импровизировать. Я это тоже люблю, но у них все-таки первая скрипка. И Даль совершенно «увядал», когда его импровизацию партнер не подхватывали. Ему было скучно играть «по нотам». А Смоктуновский вообще каждый раз играл по-разному. Козинцев потом мучился – не мог выбрать дубль, все были интересны по-своему.

– Это правда, что у Даля был тяжелый характер?

– Да, у него был нелегкий характер. Он был человек закрытый, малообщительный. В первых трех картинах мы снимались, практически не общаясь и только на «вы». А на съемках «Флоризеля» что-то «щелкнуло» – были совместные ужины в гостиничных номерах, исповедальные беседы, разговоры о смерти. Едем в автобусе по Каунасу, навстречу возница с фонарями, черные попоны – похоронная процессия. «Смотрите, Игорь Борисович, как здесь красиво хоронят... А меня везут по Москве в автобусе, в закрытом гробу, как неинтересно...» И вдруг: «А вы придете на мои похороны?» Я не был на его похоронах, но совесть моя чиста, потому что я организовал два вечера его памяти – в Москве и Ленинграде.

– Давно замечено, чем талантливее человек, тем трагичнее судьба. Трудно найти Мастера благополучного от начала и до конца...

– Я играл с Марией Ивановной Бабановой. Актриса великая, а судьба трагическая. Эмочка Попова из БДТ, с которой в молодости играл из пьесы в пьесу... Ленечка Быков, у которого я снимался, Олег Даль, Кеша Смоктуновский, Луспекаев – все великие, а финалы печальные.

– У вас часом не случались бурные романы на съемочной площадке? Например, с вашей партнершей по «Тихому Дону» Элиной Быстрицкой?

– А зачем мне надо было портить отношения с Герасимовым? (Загадочно улыбается.) Нет, там я был влюблен в Наташу Архангельскую. Еще мне очень нравилась красавица Зинаида Кириенко – мы с ней до сих пор в добрых, дружеских отношениях, встречаемся на разных фестивалях. Зина очень достойная женщина и глубокая актриса.

– Почему актеры чаще других становятся героями невероятных «басен», сплетен? Стоит какой-нибудь паре сыграть любовь, их тут же и «поженили».

– Во-первых, зрителю интересно, что происходит за кулисами. Во-вторых, если роман в сюжете и возникает, то может перейти в жизнь. Но до свадьбы это редко доходит.

– Тогда расскажите, как у вас все-таки до свадьбы дошло.

– Это был 1958 год... Мы с Ларисой были знакомы со школы – до войны даже вместе играли сцену из «Бориса Годунова», я был Дмитрием, а она Мариной Мнишек. Война разметала нас по разным городам. Встретились в Москве. Лариса училась в полиграфическом институте, а я в школе-студии МХАТа. У каждого была своя личная жизнь. Мы дружили. Даже попадали в одни компании – она со своим возлюбленным профессором, а я со своей подругой. А потом... Были вместе в Дагомысе. Как-то проходили мимо тира, и я предложил Ларисе пострелять. Она спросила: «А что мне будет, если выйду 10 очков из 10?» Я, зная, что она держит винтовку первый раз в

Игорь Дмитриев в детстве

«Приключения Принца Флоризеля»

жизни, говорю: «Тогда я женюсь на тебе!» И она ни разу не промазала. Я, как честный человек, женился, и прожили мы 30 лет. Внучки-близняшки. Одна похожа на нее, другая на меня

– А если бы она не выиграла пари?
– Наверное, все равно бы женился.

– Чем занимается ваш сын?
– Алексей – индолог по профессии, востоковед. Но работает в Штатах не по специальности. Занимается компьютерно-телевизионным бизнесом в странах Востока. Прошлым летом приезжали ко мне. Девочки в восторге от России. Ходили на мои спектакли. Одна даже всерьез решила стать артисткой.

Актеры шутят

– В театральной среде вы известны как мастер розыгрышей. Какой считаете самым удачным?

– Розыгрыши в пору театральной молодости – с очками Алисы Фрейндлих и с волосами на груди в спектакле «Битва за жизнь» – описаны уже и не раз. А вот однажды моей очередной «жертвой» стала Нина Ургант. Выступали в сборном кон-

церте, она пела свою песню из фильма «Белорусский вокзал». И вдруг на сцену поднялась простая и, судя по всему, не очень адекватная женщина и что-то положила на стоящий в глубине сцены столик. Нина ее не видит – поет. Зал наблюдает. Оказалось, что женщина оставила там 50 рублей. Нина была смущена и даже возмущена. Не найдя «дарительницу», кому-то отдала деньги. Через два дня я ей звоню: «Нина Николаевна? Добрый вечер! С вами говорят из 25-го отделения милиции. К нам поступила информация о том, что вы берете взятки от зрителей. Прямо во время концерта. Потерпевшая утверждает, что вы занимались вымогательством на глазах у переполненного зала. И вторую песню согласились спеть только при условии, что вам за нее выложат 50 рублей. Подобное имело место?» Перепуганная Нина начала что-то лепетать и извиняться: якобы зрительницу не видела, деньги не требовала. «Деньги брали?» – спрашиваю строго, как можно натуральнее. «Нет... то есть я их нашла, но отдала кому-то из рабочих сцены...» – «Ах, все-таки брали... нам придется провести очную ставку». И тут я хмыкнул – она меня узнала!

– Ваши партнеры и друзья, зная эту вашу «слабость», опасались вас?

– У меня есть закон: розыгрыш никогда не должен быть обидным, оскорбительным и не должен наносить моральный и тем более материальный урон. Оскорбить человека – это не розыгрыш, это хулиганство! Другое мое правило: от розыгрыша обязательно должны получать удовольствие обе стороны, не знаю, кто больше. Я, например, предчувствуя развязку, просто от нетерпения балдею. Старые мхатовские актеры очень любили это занятие. Качалов и Москвин на пари входили, к примеру, в парадное, раздевались догола, поднимались на лифте на пятый этаж, прятали свои вещи и, прикрывая приличия, звонили в первую попавшуюся дверь и говорили: «Простите, мы подкидывали!» Остальное было не важно, узнавали их или нет. Иногда давали одежду, иногда захлопывали перед их носами дверь... Проигравшие пари – Леонидов или кто-то еще – оплачивали гульбу в

самом шикарном ресторане. Меня тоже несколько раз разыграл мой друг, замечательный режиссер Владимир Воробьев. Однажды его театр гастролировал в Одессе. А я там снимался. Воробьев уговорил меня на бессловесный проход в спектакле из одной кулисы в другую, в шортиках и обязательно с сачком для ловли бабочек. Я согласился. Полдня потратил на поиски необходимого костюма – шортиков, сачка и прочих смешных атрибутов. Вечером явился к спектаклю. Воробьев был изумлен и ошарашен, долго извинялся. Не мог поверить, что я так доверчив и наивен. Но я не обиделся.

– А что вы думаете по поводу знаменитой эпиграммы Валентина Гафта, посвященной вам: «Всегда в лосинах, эполетах, Он скромненько стоит бочком. Изящен, молод не по летам, И...»

– «х... вост по-прежнему торчком!» (Улыбается.)

– Вот именно!

– Это мне делает честь. При своем остром и подчас язвительном уме Валя очень избирателен в «жертвах» для своих эпиграмм! И я у него в прекрасной компании. Спасибо!

Возвращенец

– Игорь Борисович, вы как-то обмолвились, что со скандалом покидали сцену на 17 лет. Причина?

– У меня не было другого выхода из того униженного положения, в которое тогда меня поставило новое руководство театра Комиссаржевской. Я покинул театр и много снимался в кино. Но привычка выходить на сцену была так велика, что я заболел. Страдал, даже обращался к психиатру. Мне казалось, что если меня коснуться, то я рассыплюсь. Я уехал к морю. В санатории, по счастью, оказался Евгений Матвеев. Мы сидели на пустынном берегу и вроде бы отдыхали. Но в шесть часов вечера, когда все актеры мира идут гримироваться, я сходил с ума. Потом кино закружило, я немного смирился. Снимался в четырех-пяти картинах в год. Играл и с Авой Гарднер, с Элизабет Тейлор в «Синей птице», с венгерским актером Имре Шимковичем в картине «Ференц Лист», у немцев в «Гойе», у американцев в «Истории Аляски», в Алжире, в Марокко в фильме «Война трех королей»...

– Как вы считаете: где более удачно сложилась ваша жизнь – в кино или в театре?

– Главное для актера – востребованность. Душа – в театре. Популярность – в кино, где замечательные кинозвезды России были моими партнерами. В 1984 году режиссер Юрий Аксенов пригласил меня в Театр комедии. Соскучившись по сцене, я принял предложение не задумываясь. «Вам понравилась пьеса?» – спросил меня режиссер. «Когда первая репетиция?!» – ответил я.

– И как себя ощущали в роли возвращенца?

– Волновался. Роль бенефисная. Коллеги внимательно разглядывали. Пришел на

репетицию подготовленным. Наверное, после 17-летнего сценического воздержания азарт во мне горел, он и сработал... К слову сказать, рецензент, который оценивал спектакль «Все могут короли», назвал уникальным случай, когда актер оставляет сцену на такой срок, а потом возвращается, и небезуспешно. Сыграли мы спектакль около трехсот раз.

– Вы веселый человек, контактный?

– Контактный – да! Но веселый – нет, скорее, с годами становлюсь печальнее... «Я теперь скромнее стал в желаньях... Жизнь моя, иль ты приснилась мне?»

– Это написал всего лишь тридцатилетний Есенин...

– Видно, ко мне с запозданием пришли эти мысли. Причина? Я понимаю, что не вписываюсь в сегодняшний экономический мир. Не очень дружу с «сильными мира сего». Люблю свой Английский клуб, Всемирный клуб петербуржцев. Там мне уютно. А если чувствую, что меня зовут для престижности того или иного мероприятия – лицо показать, стараюсь вежливо избегать подобных тусовок.

– Где сегодня можно увидеть артиста Игоря Дмитриева?

– Я работаю в Театре комедии имени Акимова. Играю там два названия. Параллельно вот уже несколько лет играю в Театре русской антрепризы имени Андрея

Игорь Дмитриев в фильме «Тихий Дон»

Миронова. Там у меня моноспектакль «Поэзия серебряного века», в жанре мелодрамы, с пианистом и гитаристом. Я воскресил этот жанр, уничтоженный после революции как мешанский, упаднический. С удовольствием играю в БДТ в спектакле «Таланты и поклонники», поставленном Николаем Пинигиным. Только что закончил сериал «Бедная Настя». Там россыпь молодых актерских бриллиантов, помимо популярных звезд. Играю в Москве в антрепризном спектакле по пьесе Р.Харвуда «Квартет». Режиссер Роман Мархолия пригласил международный состав: Барбара Брыльска (Польша), Кахи Кавсадзе (Грузия), из Петербурга Светлана Крючкова и я. Несмотря на сложности «воссоединения», уже сыграли 30 спектаклей.

– И последний вопрос: можно сказать, что народный артист России Игорь Дмитриев в полном порядке и мы его еще увидим и на сцене, и в кино?

– Актер никогда не бывает «в порядке», а тем более, с возрастом, «в полном». Когда перед 85-летним юбилеем к великому актеру МХАТа Прудкину пришел журналист с вопросом о планах, Марк Исаакович ответил: «Все бы вроде хорошо, но нет творческой перспективы...» А я отвечаю вам: у английского поэта Роберта Бернса есть такие строчки: «Ты свистни, тебя не заставлю я ждать».

Игорь Дмитриев с супругой Ларисой

ДОЧЬ ОТВЕЧАЕТ ЗА ОТЦА

Юрий ПАНКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

Поколение «врагов народа»... Самым молодым его представителям сегодня далеко за девяносто. На всю страну их осталось две-три тысячи. Как коллективный носитель памяти нации о страшной эпохе это поколение практически ушло.

Интервью 2012 года.
Но живут и здравствуют среди нас те, кого, следуя исторической традиции, называют «детьми врагов народа». Они, как и их родители, познали унижение, репрессии, лагеря. Что удивительно, их оценки той эпохи, доставшихся им испытаний подчас жёстче, чем у отцов и матерей. И это объяснимо: они лишились главного – детства.

Знаменитая актриса Ольга Аросева, в представлении многих небожительница и королева богемы, на самом деле принадлежит именно к категории этих вечных уже «вражеских детей».

– Нет ли у вас ощущения, что с уходом поколения «детей врагов народа» отношение к Сталину начнёт кардинально меняться? Останутся документы о тех скорбных временах, о репрессиях, но по большому счёту всё как-то начнёт забываться, уйдёт на третий план, и в итоге все всё простят.

– Такое ощущение есть. Потому что эпоха Сталина ещё и овеяна победами, трудовыми подвигами, достижениями в развитии страны. Это важно.

– А что крепче – память о победах или о преступлениях?

– Смотря для кого. Преступления ничем не оправданы для тех людей, кто это испытывал. Размышляя об этом всю жизнь, я не могу понять, почему Сталин это делал. Никто не покушался на его власть. Я ещё понимаю, когда он боялся бы старых большевиков. Понимаю, почему убивал Троцкого, Бухарина. Но почему он истреблял крестьян, рабочих, невинных людей из какой-нибудь сибирской глубинки? Просто зачем ему это было нужно? Не могу понять.

Ольга Аросева в «Трембите»

– Наверное, ему было нужно, чтобы народ был в страхе.

– Да зачем ему народ в страхе, когда народ был в любви к нему?!

– Народ боялся, за это и любил. Любовь от страха.

– Не знаю, не знаю... Народ кричал «ура!», не было никакой подпольщины. Были какие-то анекдоты, но серьёзного противодействия ему не существовало.

Наоборот, народ испытывал воодушевление. Для какой же цели надо столько истребить своих же граждан? Это невероятно позорный акт истории – миллионы людей получили документ о реабилитации, а там написано: «ввиду отсутствия состава преступления»... Состав преступления находили мгновенно, а отсутствие состава искали двадцать лет? Засадить полстраны, а потом сказать, что «ввиду отсутствия состава преступления»!

– Ольга Александровна, вы много лет работаете с дневниками Александра Яковлевича Аросева. Как они к вам попали?

– Предчувствуя скорый арест, папа отдал их своей сестре, а она спрятала их в корзине с дровами в коридоре общежития Александринского театра, на улице Росси в Ленинграде. Так они там и лежали много лет. А в 1957-м она мне их отдала. Теперь буду их издавать.

– Ваш отец был пишущим человеком. Написал несколько книг о револю-

ции, в основном повести и рассказы. Но вот в одной из дневниковых записей, которые я видел, он рассказывает: «...звонил Вяче Молотову. Он деликатно расспрашивал... Однако к себе не приглашал, несмотря на то, что я говорил ему, что хочу прочитать ему свой роман». Что это за роман?

– Не знаю, романы он писал разные. И замыслов у него было много. Хотел написать роман, по-моему, под названием «Правда»... «Октябрьские рассказы» он выпустил: о встрече с друзьями в Европе – Роменом Ролланом и другими деятелями. Я храню эти книжечки, приложения к «Огоньку».

А Госиздат попросил отца написать очерк о Молотове. Они же с Молотовым учились в одном классе, а сам Молотов снимал комнату у моей бабушки. Мы были знакомы семьями. И вот этот очерк папа давал читать Молотову. Но о его содержании в дневниках не сказано.

– Расскажите, пожалуйста, об отце чуть подробнее.

– Он был военным, перешедшим на сторону революции. В 1917 году – начальник военно-революционных сил в Москве. Перевёл своих солдат на сторону красных. В Гражданскую возглавлял реввоен трибунал в Харькове. Был в первом посольстве Франции, когда Франция в 1924 году признала СССР. А до этого – послом в Литве и в буржуазной Латвии. В 1925 году – посол в Швеции. Я там родилась. Потом Франция. В Париже он служил первым секретарём у Красина, нашего полпреда. Был знаком с президентом Думергом.

Он и до революции был много за границей, в эмиграции жил. Учился в университете Льежа, на филфаке. Не закончил, правда. Ездил к Горькому на Капри, до революции ещё. Тогда познакомился и с Роменом Ролланом. Имел огромные связи в Европе. Поэтому его и использовали. Он был одним из немногих, кто знал четыре языка. Благодаря этому его, слава Богу, не назначали на чиновничью должность в Москве, а посылали во все первые посольства, в страны, которые признавали Советский Союз. Латвия, Литва, Франция, Швеция...

– Образование в Льеже он получал за счёт партии?

– Какой партии?! Он гранил, камни клал на мостовых в Бельгии, в Льеже. Сам зарабатывал. Мне рассказывал, как это делается.

Какая партия... И что там было, у этой партии!

– Но он сам называл себя в дневниках «метрдоцелем Советского Союза»...

– Тяготился этой ролью. С трудом воспринимал эти дипломатические назначения. Он понимал, что там нужен, но страшно не хотел быть чиновником. Не хотел работать в партийных органах. Он думал, что его собираются назначить послом. И за создание Всесоюзного общества культурных связей с заграницей взялся с радостью, а потом понял, что от этого ВОКСа, мягко говоря, мало что зависит. Хотя он сделал очень много для привлечения западной интеллигенции к признанию Советской России. Вернул Илью Эренбурга. Эренбург об этом пишет в «Люди, годы, жизнь». Способствовал возвращению Алексея Толстого из Берлина, дружил с ним. Я знала Толстого – он бывал и в ВОКСе, и у нас дома. Отец очень много делал, причём искренне, чтобы убедить европейскую интеллигенцию признать СССР. Виктор Маргерит, Андре Жид, Анри Барбюс – все, кто приезжал к нам, это всё была работа ВОКСа и отца. Между прочим, в известной беседе Роллана со Сталиным отец был переводчиком.

– Художник Борис Ефимов, свидетель той эпохи, считал, что сталинские репрессии во многом были предопределены наличием в стране оппозиции – огромной массы людей, реально поддерживавших Троцкого, стремившихся к реваншу и свержению большевиков...

– Может быть, но отец с Троцким не общался. С Бухариным – да, они вместе ездили во Францию, когда обсуждалось приобретение архивов русской социал-демократии. Кстати, и Бухарин реально не представлял опасности для Сталина.

– В некоторых энциклопедиях говорится, что Александр Яковлевич якобы служил в ВЧК...

– Никогда. Это его путают с младшим братом, Вячеславом. Вот он одно время работал. А потом был начальником московской милиции. А его жена Елена Владимировна Репнина, очень красивая женщина, работала секретарём у Вышинского. И всё время предупреждала моего отца: «Саша, на тебя материалы есть».

Ольга Аросева в молодости

– Вы видели дело отца?
– Мне его показывали на Лубянке дважды: сразу после реабилитации, в 1957 году, и в 2009-м. Взяли-то его по 58-й статье.

– Сейчас, наверное, материалы можно увидеть в более полном объёме?

– Как раз наоборот. Тогда можно было ознакомиться с материалами дела более подробно. Но всё равно вникнуть во все детали ни тогда, ни сейчас нереально.

Так вот, среди этих материалов, как мне говорили на Лубянке, есть показания, в которых отец утверждает, что во время одной из поездок во Францию якобы встречался с сыном Троцкого, Львом Седовым. А в реабилитационных документах написано, что отец сознательно назвал такую дату встречи, когда Седова уже не было в живых. Очевидно, подследственные говорили всё это, чтобы их не били и не пытали. Надеюсь, что будет открытый суд и на нём самооговор вскрыется, папа назвал дату, когда встреча была невозможна...

Как только я получила справку о реабилитации отца, я отправила её Молотову. Его жена Полина сразу позвонила мне и позвала к себе на обед, прислала машину. И я помню, как Молотов вышел с этой бумажкой и говорит, ударяя на «о»: «Так, «реабилитирован посмертно ввиду отсутствия состава преступления...» – Помолчал. – «Да-а. Долгонько искали»...

– Вы даже интонации молотовские помните в точности...

– Да, он ведь заикался. И окал. Я же часто его слышала, и не по радио, а вживую. Они ведь с моим отцом были очень повязаны. И в первой ссылке были вместе, куда попали из реального училища. После побега из красноярской ссылки Молотов ехал в Москву с документами на имя Аросева...

– Книгу Феликса Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым», где он записывал их разговоры, вы читали?

– Честно говоря, только то место, где про отца. Когда Чуев выяснял, верит ли Молотов, что его друг Аросев был врагом. Тот ответил: нет, мол, ни одной минуты не верил. А что ж, дескать, вы за него слова замолвить не могли? Молотов ответил в том смысле, что уж очень вольный был этот Александр. Видно, мол, высказывался слишком вольно, мог что-нибудь не то сказать...

Из книги Чуева. «Молотов: – Потом <Аросев> был председателем ВОКСа. Пропал в 1937-м. Преданнейший человек. Видимо, неразборчивый в знакомствах. Запутать его в антисоветских делах было

Ольга Аросева и Иосиф Сталин на авиационном параде в Тушино

невозможно. А вот связи... Трудность революции.

– Вы не знали об этом или как?
– Как не знал, знал!
– А нельзя было вытащить его?
– А вытащить невозможно.

Ольга Аросева в детстве вместе с сестрами

дело, очень. Мою жену арестовали, а я был член Политбюро.

– Выходит, тогда Сталин виноват в таких вещах?

– Нет, нельзя сказать, что Сталин...

– Ну а кто же?

– Без него, конечно, не могли. У него было сложное положение, и столько вокруг него было людей, которые менялись...

– Вы знали, Сталин знал с положительной стороны, а человек пропадал...

– В этом смысле была очень жёсткая линия.

– А в чём Аросев провинился?

– Он мог провиниться только в одном: где-нибудь какую-нибудь либеральную фразу бросил.

– Мало ли что мы говорим!

– Мог за бабой какой-нибудь, а та... Шла борьба. У правых крепкое ядро было. Бухарин, Рыков, Томский – тройка крепкая. Напористо вели себя. Подписанные документы посылали в Политбюро: члены Политбюро Бухарин, Рыков, Томский...

– Ольга Александровна, что известно вам: признал в итоге отец вину или нет?

– Когда уже на самом «процессе» под председательством Ульриха судили его и Антонова-Овсенко, они оба не признали себя виновными. И никаких обвинений не подписали. Ульрих махнул рукой – «эти не подпишут», суд приговорил к расстрелу. Расстреляли тут же, в подвале на улице 25 Октября, ныне Никольской. Там есть, говорят, подвал, который соединён с Лубянской подземным ходом через площадь.

– Бывший корреспондент «Правды» в Париже Вольф Седых в своих воспоминаниях пишет: «Мария Павловна (жена Романа Роллана. – Ю.П.) подобрала мне копии нескольких писем с ходатайствами. (Всего, по её словам, подобных писем было около двадцати.) 4 августа 1937 года Роллан писал сестре Мадлен об аресте своего московского знакомого, тогдашнего председателя Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) Александра Аросева и его жены. «Я написал Сталину, – сообщал Роллан, – (совершенно без всякой надежды!)...»

– Вы что-нибудь об этих ходатайствах Роллана за вашего отца знаете?

– К сожалению, нет.

– Роман Роллан и его жена Мария Павловна Кудашева бывали у вас в доме, когда приезжали в Москву?

– Они просто жили у нас в квартире.

– Очень многие убеждены, что Кудашева была сотрудницей ОГПУ, НКВД и её фактически подослали к Роллану, едва ли не самому крупному писателю той поры...

– Слушайте, она была его женой. А выполняла ли она какие-то поручения, знать нельзя. Поводов так думать нет. Она до брака была гувернанткой в дворянской семье, списалась с ним по почте. Вряд ли была агентом. Не думаю.

– В те годы у многих знаменитых французов были русские «музы». Надежда Ходасевич-Леже, Эльза Триоле, Мария Кудашева, Лидия Делекторская, Ольга Хохлова, Елена Дьяконова, Дина Вьерни...

– Россиянки тогда входили в моду, пользовались популярностью у мужчин европейской элиты. Что Лилия Брик, сестра Эльзы Триоле, была агентом ОГПУ, это известно. Она сама по себе была авантюрная женщина. Но Эльза – вряд ли. Кудашева – таинственная личность. Но я не думаю, нет, не похожа... Она-то как раз не авантюрного типа. Она потом очень долго посылала мне приветы через советских журналистов и дипломатов, вплоть до кончины в 1985-м. Интересовалась моей судьбой, смотрела фильмы с моим участием.

– Наверное, вы могли видеть в Москве и Арагона с Эльзой? В 1930-м они на несколько месяцев приезжали в СССР, чтобы поддержать Лилию Брик после гибели Маяковского. Тогда же они ездили в Харьков на Международную конференцию революционных писателей...

– Нет, мы-то в Москву переехали только в 1933 году. Но папа неоднократно общался с ними в Париже. Я же их встречала намного позже, в шестидесятые, когда сама была во Франции с Театром Сатиры. Мы тогда

играли «Клопа» и «Мистерию-буфф». Я бывала у них дома в Париже. Ещё и Лиля Брик была жива.

– Известен факт, что именно Александр Аросев перевозил мозг Ленина...

– И сердце. Из Горок, где Ленин умер, в создававшийся тогда Институт Ленина. Отец как раз и был его основателем и первым директором. У него на эту тему есть даже рассказ литературный: он вспоминает, как ехал в машине и осторожно держал в руках ёмкость с бесценным грузом, всё боялся растряссти. И есть документ – подписанный Аросевым акт передачи стеклянной банки с сердцем и мозгом Ленина, от 24 января 1924 года. Вообще отцу часто приходилось иметь дело с великими покойниками. Вот что он пишет в дневнике:

«На днях был у Вс. Иванова, Павленко, Н. Тихонова. Рассказывали, как отрыли прах Гоголя, Хомякова и Языкова.

У Гоголя головы не нашли. Кто-то раньше её взял в числе других двух черепов, кои и теперь хранятся в каком-то доме. Которая Гоголя – определить трудно. Украл кто-то у Гоголя ребро. Сняли ботинки на высоких каблуках. Отослали в Поленовский музей. Гоголь лежал в синем фраке. Хомяков – в поддёвке... У него сквозь грудь пророс дуб.

Языкова (поэта) голова, когда открыли могилу, оказалась высунувшейся из гроба. Это потому, что крышка гроба треснула. Жутко. Прах этих людей перенесли в Новодевичий монастырь. Бессмысленная «унификация» и «централизация».

– Вы были свидетелем многих знаменательных исторических эпизодов самого разного свойства. Вот вы где-то рассказывали, как во время октябрьской паники 1941 года в Москве на ваших глазах грабили антикварный магазин в Столешниковом. А где именно он был, помните?

– Конечно. Как приходишь в переулочек с Пушкинской (теперь – Большая Дмитровка) – сразу направо. Я помню, как двое мародёров убежали и их застрелил прохожий военный.

– А, там «Луи Витон» сейчас... Ещё одну историю рассказывал Юрий Любимов, вспоминая те же дни: как в гастрономе на Лубянке продавцы раздавали прохожим продукты...

– Да, это там, где до последнего времени был «Седьмой континент». Там во время войны моя мама, которая работала секретарём у Полины Жемчужиной, отоваривалась по карточкам. А в другом магазине, на Масловке, мать моей подруги была кассиром. К вечеру им сказали: забирайте всё, что хотите. Я тоже об этом узнала и побежала туда. У меня были такие физкультурные шаровары – сатиновые, огромные, я их сняла, узлом завязала и насыпала туда рис и сахар.

– Теперь о совсем личном, если позволите. Драматург Алексей Арбузов был в вас влюблён, это известно. Вы извините... А что же вы за него не вышли?

– У него были две жены и масса детей. Но дело не в этом. Послушайте, разве это можно объяснить – почему кто-то за кого-то не вышел замуж столько лет тому назад? Не знаю почему. Так вот случилось...

– Похоже, Арбузов испытывал к вам очень сильные чувства...

– Ну да, он опрокинул на меня такой силы чувства, что я по молодости просто была не в состоянии всё это осознать и как-то отреагировать. Между прочим, я его письма до сих пор храню. Он большую любовь испытывал, это я понимала, но меня это, может быть, и пугало? Не знаю... А, вспомнила! Я ведь была замужем!

– Ну вот и разобрались. Ольга Александровна, а как бы жену Молотова Полину Жемчужину охарактеризовали вы?

– Как замечательную женщину. Никогда нас не бросала. Ни в войну, ни позже. Моя сестра Лена уезжала на работу в Брест, так Жемчужина подарила ей чемодан вещей. Моя мама у нее работала секретарём, помощником. «Ольга, скажи матери, чтоб она меня при людях на «ты» не называла». А мать ей: «А ну-ка слушай, Полин!» Только так с ней и разговаривала.

Полина даже Молотова старалась оправдать – и в том, что он от неё отказался, и в

Ольга Аросева в роли Пани Моники в "Кабачке 13 стульев"

том, что не заступился за моего отца. Говорила мне: «Оля, он не мог ничего сделать». Я не понимала: «Как же так? И вас не защитил». Она: «Защитил тем, что ничего не делал». Ну да, его бы посадили самого. Этого ждали.

– В дневниках отец отражал в основном важные исторические события или бытовые мелочи тоже?

– Там это перемешано. Пишет о чём-нибудь очень важном – и тут же о том, что у Оли, к примеру, заболел зуб, а Митя (мой сводный брат), допустим, накакал мимо горшка.

– Кстати, что с Митей стало?

– Он умер уже. Но у него семеро детей. Мы все собираемся. Вот 24 июля – день моих именин, день именин мамы, день смерти моей мамы, день смерти моей старшей сестры Наташи. И мы собираемся всей семьёй на кладбище в 12 часов, я заказываю службу. Потом все едем поминать ко мне.

Возвращаясь к папиным дневникам. Это редчайший документ, написанный убеждённым революционером. Он и жизнь свою отдал революции. Мать его тоже погибла – белогвардейцы расстреляли. Какой он враг народа...

– Хотя не был он и «социально близким»...

– Это точно. Его отец, Яков Аросев, был купцом первой гильдии. Его доход составлял 6 тысяч рублей в месяц... Три рубля телёнок тогда стоил. Во время революции 1905 года в Казани были забастовки, а дом его – четвёртый от казанского Кремля. Улица называлась Воздвиженка, потом

Ленина, теперь – Кремлёвская... Вот улица, дом, огород – и к Волге обрыв. Когда рабочие во время демонстрации двинулись к Кремлю, их казаки принялись разгонять нагайками. Тогда демонстранты стали ломиться в двери домов, чтобы спрятаться. И отец открыл им дверь, чтобы они огородами могли убежать к Волге. А дед Яков стал с сыном драться, кричал: «Я эту шпану не пущу!» И папа мой с ним в драку вступил! Спасал людей. Бабушка тоже была на стороне отца. Открыли ворота и пустили рабочих. Дед был богатым человеком, реакционером и ненавидел всё это. Спился в результате, умер в 48 лет. Я ездила недавно в Казань, восстановила памятник на могиле. Бабушкин памятник, стела, поставленная ещё папой, до сих пор стоит.

Беседу вёл Юрий Панков,
издатель серии книг «Автограф века»
Фото из личного архива О. Аросевой

РИМАС ТУМИНАС:

«МЫ ПОКАЗЫВАЕМ СВОЙ ЛОЖНЫЙ ПАТРИОТИЗМ»

Сара БЕРН

Специально для «Совершенно секретно»

Постановка Римаса Туминаса, художественного руководителя театра имени Вахтангова, «Царь Эдип» впервые была показана в греческом Эпидавре и с тех пор путешествует по городам мира.

Последняя заграничная премьера Римаса Туминаса – «Фауст» в Пекинском театре. В интервью «Совершенно секретно» режиссер Римас Туминас рассказывает о театре, жизни, любви, чести.

– Вам предложили в Пекине поставить «Фауста» или же сами выбрали?

– Сам. Хотел поставить «Фауста» в Театре имени Вахтангова, которым руковожу, но мне почему-то задавали слишком много вопросов: «Зачем нам “Фауст”? Разве у нас нет своих классиков?» Слушал-слушал, думал-думал и решил: «Не буду им ничего доказывать, а поставлю в стране, где нет ни Бога, ни черта – в Китае». Вот все эти ироничные намеки: «Ну, посмотрим, что из этого выйдет?» – не люблю. Я – не борец. Давно хотелось поставить хорошую легенду о докторе Фаусте, который заключил сделку с Дьяволом. Это же легенда.

– Любопытно узнать ваше отношение к главным героям?

– Фауст и Мефистофель – два идиота, которые играют с жизнью и друг с другом. Один, видите ли, моложе хочет стать – влюбился в юную девушку. Другой изображает

прославлять. В любом месте нужно оставаться честными и принципиальными. Наше невежество меня убивает.

ВОИНСТВЕННОСТЬ БЕЗ ПРИЧИН

– На пресс-конференции перед началом гастролей в Париже вы высказали возмущение несправедливым решением суда о наказании для молодого актера Павла Устинова, которого задержали во время митинга 27 июля 2019 года в Москве. Неужели, вам дело до неизвестного актера?

– Я знал, что именно там это нужно сделать. Не писать письма, а заявить на весь мир открыто о беспределе по отношению к невинному молодому человеку.

– не разрушители, а созидатели, творцы. Они постоянно придумывают что-то новое.

– Например, что?

– Моду. В свободное от гастролей время я ходил в Париже по магазинам. Несмотря на то, что предпочитаю классический стиль, но с удовольствием интересуюсь новинками, даже молодежной модой. Ходил по магазинам Парижа и изучал тенденции. Потом в театре пригодится.

– Купили что-нибудь в магазине?

– Нет. Человеку ведь надо мало. В моем шкафу только в Москве 100 рубашек и несколько десятков пиджаков. Так много всего накопилось, что пора уже театру отдавать. Не выбрасывать же?

– В квартире на Арбате вы живете один (семья режиссера живет в Вильнюсе. – Прим. ред.). Кто же гладит вам рубашки?

– Сам глажу. Накапливается семь или восемь рубашек, включаю музыку, и начинаю гладить. Рубашки как женщины – некоторые сразу покоряются, некоторые сопротивляются. Больше люблю непокорных, которые заставляют потрудиться. Мне что-то делать надо – чинить, убираться, в саду возиться. Нет даже мысли, чтобы кто-то убрал, сделал. Не играю я в такого художника, который ничего не знает, не понимает, не умеет... Неважно, где я работаю – в своем театре, или в другом, всегда думаю о том, как бы поэкономнее поставить спектакль.

ВАЖЕН САМ ЧЕЛОВЕК

– Злые языки говорят, что Римас Туминас – скупой рыцарь. Что скажите?

– Да, я скуповат! Настоящий рыцарь – в скромности, в сжатости, в аскетизме. Рыцарство – в терпении, которое лечит боль. Всегда кто-то наносит боль, и наш мир очень болезненный, но терпение лечит боль. Терпение позволяет обращаться к литературе, к памяти, к матери. Руководитель, режиссер вообще не мыслим без адского терпения. Главное качество режиссера – терпение. Константин Сергеевич Станиславский так говорил – первое, второе, третье – терпенье.

– Вы можете выдержать самую вредную женщину?

– Я могу выдержать и вредную женщину, и вредного актера, и вредного директора... Мне очень сложно сказать «нет». Ведь человеку, который к тебе обратился – надо. Если бы я был женщиной, был бы всегда беременной. Человек приходит, чтобы услышать «да».

– Вы не выпустили ряд уже готовых спектаклей. Почему вы запретили премьеру Антона Яковлева «Подросток» в Театре Вахтангова?

– Если в вечности нет звука эпохи, нет честности, я могу закрыть результат в одну секунду. Плохо поставленный спектакль, плохо сыгранный нарушает права человека. Только через мой труп на сцене Театра Вахтангова будут нарушать права зрителей. Моя мама, которая наблюдала за тем, как я репетирую с актерами, спросила: «Зачем же ты их мучаешь?», а я ответил: «Чтобы потом актеры не нарушали права зрителей, и твои, мама, права».

– Вы похожи на свою маму?

– Я похож на отца. К большому сожалению. Такой же длинный нос, грубый голос, как у отца. А мама – кругленькая, добренькая, без бровок и все вздыхающая, все вздыхающая. Мама была портниха, а говоря современным языком, художник-дизайнер. Женщина хотела сшить платье одного фасона, а мама говорила: «Нет, это вам не подойдет... Это нужно скрыть, это подчеркнуть». Признаюсь, что я очень любил наблюдать за тем, когда к маме приходили заказывать платья. Женщины раздевались, а я подсматривал.

– Вы, Римас Туминас, подсматривали за женщинами!?

– Конечно. Это была наука познания женщины, ее геометрии, анатомии, а также вкусов, запахов, манер.

– А запах, женщины может отталкивать?

– Дурной запах могу не заметить. Важен человек, а не духи. Мне милы женщины натуральные, сексуальные, простые, кото-

из себя всемогущего человека, вершителя судеб. Оба – дураки. Впрочем, «Фауст» – это сказка, абсурд, анекдот, легенда. «Фауста» я постарался поставить забавно, весело, игриво. Не скрою, что я согласился на этот эксперимент в Китае, чтобы пройти курс лечения и постичь китайскую философию. В своем спектакле «Фауст» я хочу соединить китайскую философию с европейским пониманием добра и зла.

– Бытует мнение, что китайцы – великие подражатели, а не творцы. Неужели вам, великому Римасу Туминасу, интересно работать с ними?

– Сегодня мне стыдно, что и я смотрел на китайцев как на подражателей, когда приехал в Китай вместе с российской делегацией режиссеров и актеров в 1988 году. С нами еще была Народная артистка СССР Алиса Фрейндлих. Сейчас думаю: «Как же мы могли не учитывать историю Китая до XX века – Древнюю историю?» По сей день, мы высокомерно относимся к другим странам, демонстрируя свой ложный патриотизм, невежество. Парадокс – если дома критикуем свою власть, то за границей начинаем ее

– Не пугает ли вас современная молодежь бунтарскими настроениями?

– Не могу не сказать, что наша молодежь невероятно талантливая. Такого наплыва одаренных, сильных людей, как сейчас, давно не было. Порой я «задыхаюсь» от обилия юных гениев. Всех хочется принять в театр. Во все времена молодежи хотелось все перевернуть, разрушить, поменять. Прямо навязчивые мысли – как бы что переставить, но все это от нетерпения сердца. Заметил опасную тенденцию – чрезмерную воинственность без особых на это причин. Мало кто хочет дружить, узнавать друг друга, приближаться, – это же долгая и трудная дорога к человеку. Поэтому молодежь считает: лучше убить, чем так долго идти к пониманию и сближению. Все происходит с отрицательной частицей. Не доходят до автора, не доходят до эпохи, не доходят до музыки, не доходят до сути. Возникает единственное решение: взять топор и выйти на улицу в поиске себя. Хочу попросить – не надо брать топоры и ножи, а надо идти навстречу человеку. Во Франции дух воинствующей свободы никуда не исчез. Он даже в воздухе витает. Но французы

рые напоминают мое детство. Тех женщин, которых я разглядывал, когда был мальчиком.

– Кстати, француженки вам понравились?
– Нет. Француженки – некрасивые. В Париже каждая вторая – мулатка. Итальянки – красивые, китайки – красивые, а француженки, увы.

ВСЕ АКТРИСЫ – ДЕРЕВЕНСКИЕ

– Какие женщины вызывают у вас чувство влюбленности?
– Натуральные, простые, деревенские.

– Актрисы неискренние?
– Все они – деревенские. Бедненькие, пытаются, хотят обратить на себя внимание. Как Наташа Ростова собирается на первый бал – так они каждый день на спектакль, репетицию, пробу. Это же трагедия – полдня одеваться, переодеваться... Опять мерить, выбирать, раздеваться. Женщины так много времени тратят на маскарад вместо того, чтобы тратить это время на свое просвещение.

– Вы прямо читаете мои ежедневные мысли. Но быть мужчиной не хочется хотя бы потому, что лично мне не нравится мужская фигура. Женская фигурка куда более красивая.

– У меня красивая фигура. Особенно красивые ступни и пальцы ног. Ощущение, что у меня пальчики как конфетки в коробке, – такие красивые, такие гармоничные. Правда, я один это вижу перед сном и думаю: «Гармония все-таки существует». Чтобы не вспомнить свой длинный нос – посмотрю на ноги и... засыпаю. Даже без снотворного.

– О чем говорят пальцы, похожие на конфеты в коробке?

– Я надоед всем разговорами про красоту, гармонию. Но есть вещь, которая более понятна – порядок. Некий проклятый порядок должен быть. Он освобождает человека от лишнего, ненужного, бессмысленного. Свобода – это ограничение себя во всем. Свобода – это и есть осмысленный порядок. Не выношу хаос в мыслях, разные вторые, третьи планы, подтексты.

ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО ТАНК

– Пять лет назад в интервью вы сказали о том, что должно наступить время рыцарства, что не должно быть вторых, третий планов – только один план.

– Прошло пять лет, и я уже это забыл или предал. Жизнь втянула в интриги, во вторые планы, в политические козни. Человек стал настойчиво себя защищать, не руководствуясь нормами морали. Главное – защитить не жизнь, не честь, а эту подлую природу невежества, хамства. Поэтому я притих и уехал ставить «Фауста» в Китай. Хамство, невежество, увы, в России и между нами торжествует. Вся эта мерзость так радуется, так размножается, а мы это принимаем и направляем: «Того зарази, другого зарази, а я оправдаюсь». Тогда со своим рыцарством, когда открыто и смело говоришь о любви, о ненависти я ушел в подполье. Вернулся из гастролей в Париже в Москву и почувствовал себя Наполеоном на острове Святой Елены.

– Как вы относитесь к Наполеону?
– Всю свою карьеру Наполеон только защищался. Конечно, ужасы происходили во времена его правления, но во имя так называемой демократии. Дональд Трамп тоже ради демократии войны развязывает.

– Вы не верите в демократию?
– Не надо никуда «нести» демократию. Хотя бы потому, что мы пока даже представления не имеем о том, что такое демократия. Демократия – это танк или самолет, вот и вся демократия. Разве в самолете возможна демократия? Оставьте это безумие «демократия».

– Вы, Римас Туминас, удивительный человек?
– Был когда-то удивительным. Сейчас многого лишился.

– Вы себя не любите?
– Зачем? Пусть меня любят. Хорошо это или плохо, но уже очень давно я никого не выбираю для любви. Выбирают меня, и я иду. Чехов сказал: «Я быть хочу там, где сам люблю».

– Ваш любимый композитор Фаустас Латенас однажды сказал: «Если любишь – люби до конца».

– Конец в любви тоже существует. Размеры и расстояния есть и на земле, и на небесах. Хотя и есть ощущение вечности любви. К сожалению, в любви сейчас много грязи, разврата, неправильного секса, насилия.

– Вы смогли бы ответить женщине, которая дала бы вам пощечину?
– Я бы ее поблагодарил. Значит, было за что. Просто так женщины не бьют по лицу мужчину.

– То есть женщина вас бьет, а вы подставляете другую щеку?
– Другую щеку не подставляю, потому что успеваю попросить прощение и сказать: «Дорогая, спасибо, ты во всем права».

ВСЕ ОШИБАЮТСЯ

– Почему вы курите, хотя врачи вам запретили?
– Потому и курю, что запретили.

– Пробовали ли вы наркотики?
– Не понравились. Совсем не мое.

– Кто вам предложил?
– Прямо вот так и рассказал – кто предложил.

– Какой ваш гонорар за постановку в другом театре?
– Не меньше 30 тыс. евро. Европейская цена для режиссера моего уровня.

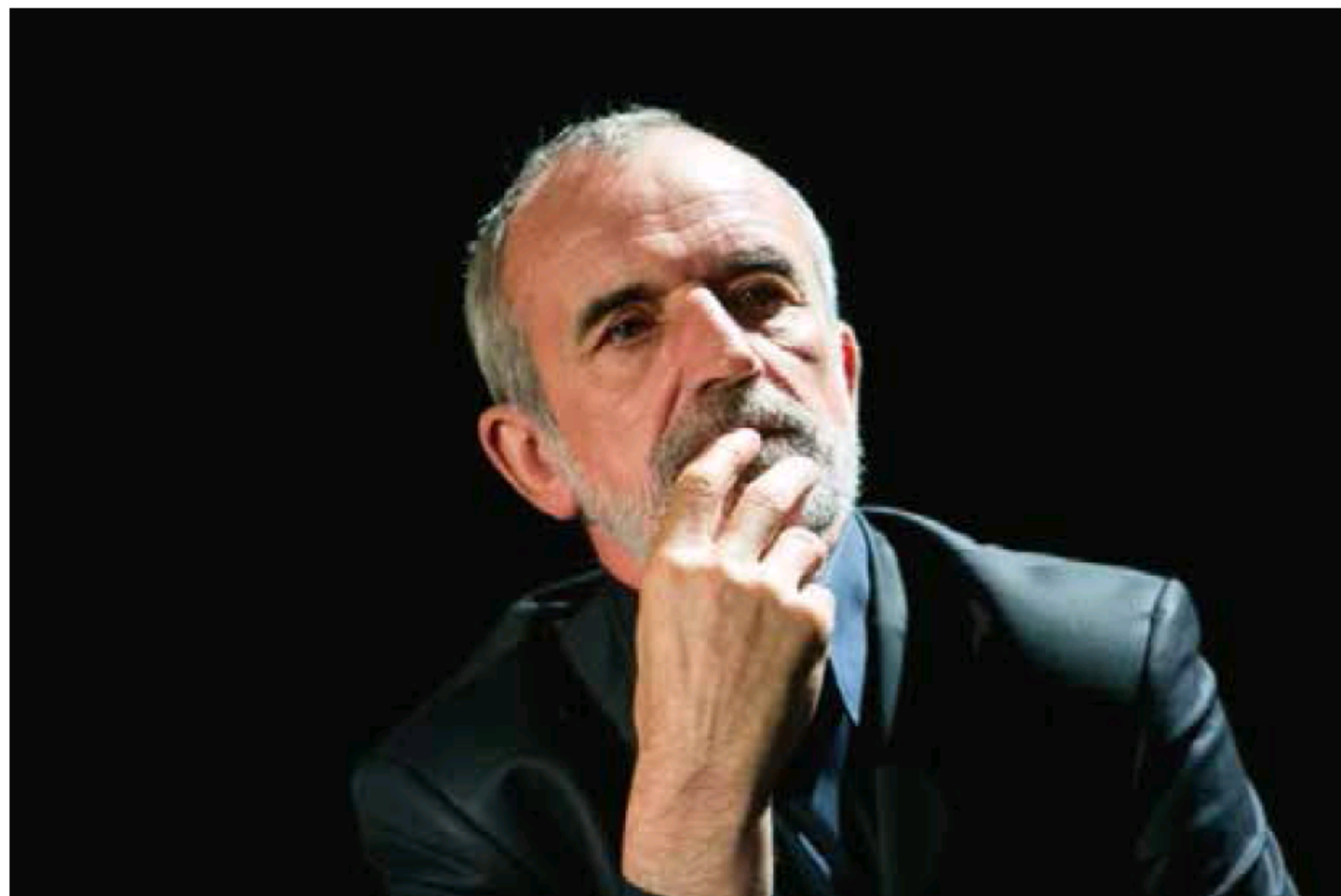
– Трудно ли вас уговорить поставить спектакль, например, в Англии?

– Не трудно, но долго. Главное – материал. Предлагают все время комедии. Посылали и посылают проклятые комедии. Я как-то обиделся и написал: «Что вы предлагаете комедии, я же трагик?». Но они уверены, что в моих спектаклях ирония, юмор, и думаю, что я смогу. А я боюсь, что я буду ставить комедию – а получится драма. Весь театр держится на трагедии.

– Могут ли гении ошибаться?
– Еще как могут! Но я не ошибаюсь. Я просто режиссер, который знает эту профессию, и только. Нормальный, опытный режиссер.

– Роман Виктюк, который ставил с вами спектакль в Молодежном театре Вильнюса, назвал вас «средним актером».

– Я – очень хороший актер. Я сопротивлялся Роману Виктюку. Он мне сразу не понравился. Такой нахал – все знает. И я сказал: «Нет, не будешь меня гонять, и вообще откажусь от профессии, если такие режиссеры, которые издеваются над артистами». Тогда Виктюк посоветовал мне поступить в ГИТИС на режиссерский

Справка

Римас Туминас – художественный руководитель Театра имени Вахтангова. Он родился 20 января 1952 года в литовском городе Кельме. С 1970–1974 год учился в Литовской государственной консерватории. В 1978 году окончил режиссерский факультет ГИТИСа (курс И. Туманова). Его первым спектаклем стал «Январь» Й. Радичкова в Театре драмы Литовской ССР (1978), а первой московской постановкой – «Мелодия для павлина» О. Заградника в Театре им. К. С. Станиславского (1979).

С 1979 по 1990 год в качестве режиссера работает в Государственном академическом драматическом театре Литвы (в 1998 театр обретает статус Национального), а с 1994 по 1999 – становится его главным режиссером. В 1990 году Туминас основывает и по сегодняшний день возглавляет Малый театр Вильнюса. В 2002 году, по приглашению Михаила Ульянова, на сцене Театра имени Евгения Вахтангова Римас Туминас поставил «Ревизор» Н.В. Гоголя.

В 2007 году Римас Туминас в качестве художественного руководителя возглавил Театр имени Евгения Вахтангова. Туминас – мастер метафор и иронических загадок. В его спектаклях живет необыкновенная искренность, блистательная ироничность, строго выверенный театральный гротеск, приподнятое настроение и актерский кураж.

факультет, что я и сделал. Когда поступал, один педагог сказал: «Существует одна серьезная опасность у режиссера». Я спросил: «Какая же?»

– Женщины.
И оказался прав. Женщины – самая большая опасность для мужчины.

– Даже деревенские?
– Все женщины деревенские и все – опасные.

ДЕЯТЕЛИ ИСКУССТВА О РИМАСЕ ТУМИНАСЕ

Режиссер Сергей Соловьёв:

– Я – поклонник творчества Римаса Туминаса. Видел его спектакли все до одного. Римас Туминас создает образы героев русской литературы. Замечу, что сегодня создавать образы умеет далеко не каждый режиссер.

Художественный руководитель Губернского театра Сергей Безруков:

– Римас Туминас – один из величайших режиссеров современности, и каждая его

постановка – событие театральной жизни всего мира. Я часто бываю в этом театре и поражаюсь таланту Римаса Туминаса.

Народный артист России Виктор Сухоруков:

– Пульс Римаса Туминаса соответствует пульсу времени. Он – гений, а каждый гений очень хорошо ощущает время, в которое живет, и предвидит его. Сердце гения пульсирует с сердцем земли. Со спектаклем Римаса Туминаса «Улыбнись нам, господи» я был на первых страницах престижных американских изданий.

Французская актриса, жена народного артиста России Игоря Костолевского Консуэлла де Авиланд:

– В свой первый приезд в Москву в 1996 году, я пошла на Новодевичье кладбище, на могилу своего кумира – Антона Павловича Чехова. Мне хотелось целовать землю России, куда я вступила на нее. Второе место, куда я пришла в Москве – Театр имени Вахтангова. Каждая постановка Римаса Туминаса произвела на меня огромное впечатление. Знаю, что французские актеры мечтают работать с Римасом Туминасом. ■

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№09 (174) от 15.09.2020
Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»

04080, г. Киев, ул. Кирриловская, 104
Главный редактор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ
КВ № 24421-14361 ПР
выдано Министерством юстиции Украины 13.03.2020
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Курневский переулок, 17Г
Телефон редакции: (044) 207-97-11

e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Размещение рекламы
reklama@umh.com.ua
Тел.: (044) 207-97-00, (044) 207-33-05
Распространение и подписка
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»
Отдел розницы, тел.: (044) 207-97-00
Отдел подписки, тел.: (044) 207-97-25
При подготовке номера использованы

материалы международного ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию, не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями не ведет. Перепечатка только с разрешения «Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типографского брака обращаться в типографию ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел.: (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 40000 экз. Заказ № 79629

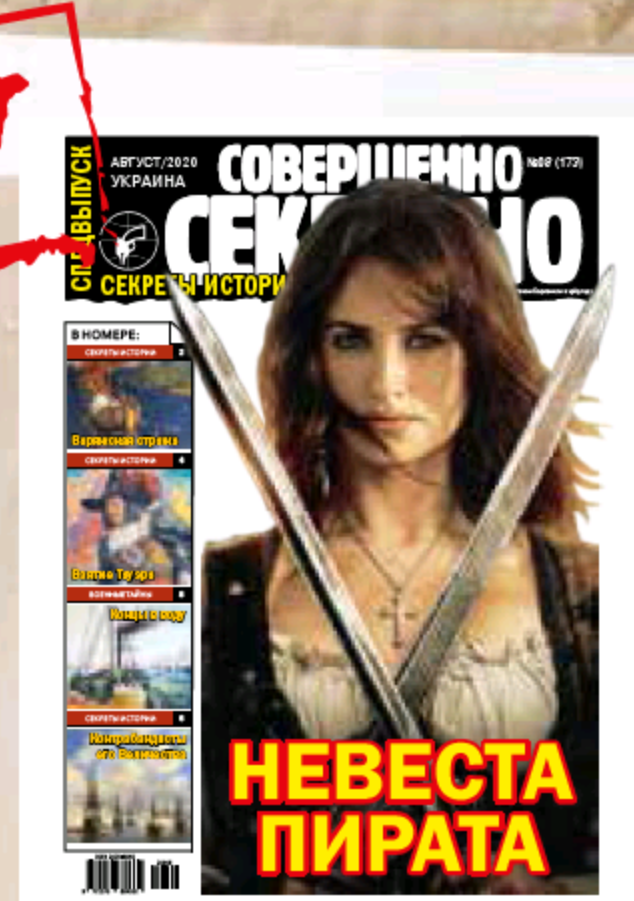

**у вересневому номері
читайте:**

- **ЩО ВАЖЛИВО ДЛЯ УКРАЇНИ
В БІЛОРУСЬКИХ ПРОТЕСТАХ**
- **НАСКІЛЬКИ КРИЗА ЗМІНИТЬ СВІТ**
- **ХТО ПРОВАЛИВ СПЕЦОПЕРАЦІЮ
З «ВАГНЕРІВЦЯМИ»**
- **ЧОМУ ПРОДОВЖУЮТЬ БРАТИ ХАБАРИ**

**ВЖЕ
У ПРОДАЖУ**

Свідectво
про держреєстрацію
Серія КВ,
24420-14360 ПР
від 13.03.2020р.

СПЕЦВИПУСК
«Секрети історії»

